

Артур Конан-Дойль. Новое откровение

Сочинения сэра Артура Конан-Дойля о спиритизме

Сэр Артур Конан-Дойль и "Новое Откровение" (Йог Раманантата)

Предисловие

Глава Первая Искания

Глава Вторая Откровение

Глава Третья Грядущая жизнь

Глава Четвертая Проблемы и разграничения

Дополнительные свидетельства

А р т у р К о н а н - Д о й л ь

Н О В О Е О Т К Р О В Е Н И Е

Всем отважным мужчинам и женщинам,
смирным и просвещенным, у кото-
рых хватило нравственного муже-
ства в течение семидесяти лет
противостоять насмешкам и
пренебрежению света во
имя торжества
наиважнейшей
истины
Март, 1918

Конан-Дойль Артур

Новое Откровение. Переводы с английского Йога Раманантаты,

М.Б.Антоновой и

П.А.Гелевы - М.: Издательство "Менеджер", 1999г. 364 стр.

Сэр Артур Конан-Дойль (1859-1930) - крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права - почти 50 лет жизни посвятил изучению спиритизма.

Впервые на русском языке издается его основополагающая работа в области спиритических исследований - "Жизненноважное Послание". Ее предваряет уже знакомое русским читателям "Новое Откровение", в котором Конан-Дойль впервые выступил как сторонник спиритизма. Обе работы дополняются газетными и журнальными статьями, опубликованными писателем в периодической печати Великобритании, С.Ш.А. и Австралии (даем новую и расширенную версию).

Сэр Артур Конан-Дойль, создатель знаменитого сыщика Шерлока Холмса и других любимившихся читателям персонажей, обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

© Марина Антонова и Павел Гелева: перевод, 1999г.

© Русский текст, составление, предисловие, комментарии, приложения:

Йог Раманантата, 1999г.

СЭР АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ И НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ

"Человек, посвятивший себя этим исследованиям,
занят в жизни делом, не заставляющим раскаиваться."

Платон

Наверное, нет человека, который бы не читал Конан-Дойля, но нет и человека, который бы прочитал всего Конан-Дойля. Это, при всем желании, невозможно даже в Англии.

Так уж повелось, что большинство российских читателей, услышав имя Конан-Дойля, про себя радостно отметит: "А, это автор знаменитого Шерлока Холмса!". И только. Таким образом оказывается, что чуть ли не самая важная сторона духовной жизни писателя - его научные и философские искания, его бурная общественная деятельность - остается неведомой русскоязычному читателю. И действительно, произведения эти в русском переводе никогда не издавались, а в статье "брежневской" Б.С.Э., посвященной Конан-Дойлю, об этом не сказано ни слова. И только в "сталинской" энциклопедии говорится, что он "в последние годы жизни проповедовал мистицизм и спиритизм." Причем сказано это таким тоном, который подразумевает, что на старости лет почтенный писатель "несколько умом тронулся"^{0.5}. Оставим это смещение акцентов на совести авторов энциклопедии, ныне покойных, и поговорим об этой стороне жизни и творчества сэра Артура Конан-Дойля - человека, мыслителя, ученого и писателя.

Читатель, возможно, недоумевает: Конан-Дойль - тот самый Конан-Дойль, отец Шерлока Холмса, этого педантичного, скрупулезно-точного детектива, который не верит ни во что, кроме анализа и доказательства, наблюдательности и дедукции, который соединяет материальные улики с логикой и здравым смыслом и преобразует в научное исследование романтическую погоню за ворами и убийцами? И это он-то вдруг поверил в спиритические сказки и принялся их популяризировать; возможно ли такое? Однако не будем спешить с выводами. Да, это тот самый Конан-Дойль, который, подобно своему герою, прежде чем притти к окончательному решению (т.е. примкнуть к спиритическому движению), накапливал и накапливал доказательства и улики в течение терпеливого и кропотливого расследования, гораздо более длительного, чем самое сложное дело сыщика с Бейкер-стрит, поскольку расследование это продолжалось без малого пятьдесят лет.

Сэр Артур Конан-Дойль обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как

бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, - при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

В целом же недоумение иных читателей вполне можно понять, ведь если они воспитывались и выросли в лоне материалистической и марксистской идеологии, то многие вещи должны были выпасть из круга их внимания или выглядеть суевериями. Поэтому вначале, по необходимости, немного коснемся вопроса о том, что, собственно, такое "спиритизм".

"Спиритизмом" в XIX веке назвали религиозно-философско-научное движение, которое возникло в результате ознакомления людей с особым рода феноменами, так называемыми "спиритическими манифестациями". Надо однако признать, что такой взгляд весьма поверхностен и отдает марксистским подходом, который всякое возникшее в обществе явление пытается объяснить историческими причинами и вписать его во временной поток. По отношению к Спиритизму такой подход был бы совершенно неверен. Дело в том, что движение, возникшее в XIX веке, правильнее было бы именовать не "спиритизмом", а "неоспиритизмом", "новейшим спиритизмом", ибо "спиритизм" не есть какое-то изобретение XIX века, с ним же и закончившееся. Спиритизм, строго говоря, существовал всегда по той простой причине, что природа человека всегда была тою же и, стало быть, связанные с нею явления и законы существовали все то время, что существует человечество. Сведения об этих явлениях доносят дошедшие до нас древнейшие, древние и средневековые памятники письменности. Все эти явления естественным образом вписывались в жизнь людей и были одной из ее естественных составляющих. Но понимание их природы было вотчиной магов, мистиков, оккультистов, жрецов и духовенства (вернее сказать, той части последнего, которая еще владела эзотерическим знанием). Когда же наступил так называемый "век просвещения", то человечество просто почувствовало и осознало себя в совершенно новом качестве. Но одной из особенностей этого ощущения и самосознания было нежелание со стороны передовых умов эпохи признать реальность, стоящую за мистикой и

окультизмом. Так им тогда было удобнее, и это ограничение, действительно, в какой-то мере было необходимо. Но тем не менее, из-за одного только игнорирования, явления, существующие объективно, исчезнуть не могли. И вот, когда они вновь заявили о себе, а случилось это в 1848 году, в Соединенных Штатах (феномен сестер Фокс), тогда началось их рационалистическое осмысление и освоение, получившее название "спиритизма", от латинского слова "spiritus", что значит "дух".

В двадцатом веке к вещам этим изменился подход и сдвинулась точка отсчета (как раз это обстоятельство вполне можно объяснить историко-социологическими причинами), однако явления изучаются - и это называется уже "парапсихологией". Сейчас, по завершении этого века механического суеверия, мы переживаем такую пору, когда все становится на свои места и возможно будет также понята ошибочность парапсихологии и ее методов, и тогда Спиритизм снова станет называться "спиритизмом" и наконец займет в жизни человечества подобающее ему место. Такова история вопроса.

Сэр Артур Конан-Дойль впервые публично заявил о своей вере в общение с умершими в статье, которая появилась в газете "Light" от 21 октября 1916 года. Это заявление для многих прозвучало тогда как гром среди ясного неба. Но первый спиритический сеанс, на котором он присутствовал - надо сказать, с сильно скептическим настроением ума - состоялся в конце 1886 года, когда Конан-Дойль был еще только начинающим практиковать врачом. Интерес же его к психическим феноменам обозначился за несколько лет до этого первого опыта.

"Когда в 1882 году я закончил свое медицинское образование, то, как и большинство врачей, я оказался убежденным материалистом во всем, что касалось нашей участи. И в то же время я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто еще не дал ответа на вопрос, заданный звездной ночью Наполеоном профессорам-атеистам во время его египетского похода: "Скажите-ка, господа, кто создал эти звезды?"... Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергали сохранение личности после смерти тела. Так, когда свеча догорает, свет гаснет; когда провод обрывается, прекращается ток; и когда гибнет тело,

сознание исчезает."1 Чтобы объяснить это противоречие между верой в Бога и отрицанием выживания души после смерти тела, он пользуется поэтическим образом: "Разбитая скрипка не издаст ни звука, хотя бы музыкант и остался прежним."2

Однако природа его ума - научного по складу - была далека от того, чтобы замкнуть этот ум в пределах проторенных путей; она, напротив того, постоянно направляла и подстегивала его любопытство и наблюдательность. И вместо того, чтобы отрицать пока для себя непонятное,- он всегда стремится его понять и объяснить. Среди психических феноменов, которыми в ту пору увлекаются в Англии, он выделяет один, который считает нужным изучить лично. Речь идет о телепатии. Можно вспомнить, что эта форма общения равным образом была близка и жильцу с Бейкер-стрит, 221Б, который как бы читал мысли своего собеседника с притворным равнодушием, только подчеркивавшим его мастерство.

"Помогать мне в моих исследованиях вызвался г-н Болл, весьма известный в городе архитектор. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов."3

Это открытие несколько пошатнет материалистические убеждения Конан-Дойля, и когда к концу 1886 года семья одного из пациентов предложит ему принять участие в "сеансе столоверчения", он это приглашение примет. И все же против такого рода опытов он пока что останется весьма предубежден. Тем более что проводились они в полумраке - условие, как понятно, способное облегчить медиумам любую мистификацию, а надо сказать, что некоторые из них к тому времени уже были пойманы на месте преступления с поличным.4 Феномены наблюдавшегося телекинеза повергают Конан-Дойля в смущение: он опасается, как бы его партнеры не приписали их его вмешательству, тогда как у него те же подозрения возникают в отношении их. По окончании этих первых попыток он весьма близок к тому, чтобы думать, как то впоследствии напишет его друг д-р Эдмонд Локард: "Мир загробный, если рассматривать его только как пляску мебели, выглядит весьма похожим на детскую или на дом умалишенных."

Конан-Дойля, в частности, удручает незначительность, ничтожность

получаемых сообщений, но он понимает, что это зачастую вызвано настроением участников сеанса. В этой связи он признает, что получил достойный урок в тот день, когда, спросив у стола, сколько у него с собой денег, в ответ услышал: "Мы приходим сюда, чтобы просвещать и возвышать души, а не за тем, чтоб решать детские загадки."

Он делится своими сомнениями с одним из знакомых, генералом Дрейсоном, страстно увлеченным астрономией и психическими исследованиями. Конан-Дойль восхищается им, но, уточняет он, не в связи с блестящими результатами, которых тот добился в ходе своих спиритических опытов, а в связи со смелостью его астрономических теорий, касающихся центра описываемого Землею круга. Авторитет ученого - это единственный авторитет, который признается молодым врачом. Дрейсон, который в ту пору при содействии сильного медиума проводил удивительные опыты, объясняет бедность результатов, полученных Конан-Дойлем, неэффективностью его метода. "Заниматься психизмом без медиума - все равно что заниматься астрономией без телескопа", - сурово изрекает он.

Заручившись услугами профессионального медиума Хорстеда, молодой врач и начинающий писатель организует у себя на дому, с 24 января по конец июня 1887 года, 6 сеансов. Здесь ему снова ассистирует архитектор Болл. На одном из них Конан-Дойль получает интересное сообщение, которое затем в избытке энтузиазма публикует в журнале "Лайт". Эта публикация от 2 июля 1887 года позволяет датировать первое публичное выражение интереса создателя Шерлока Холмса к Спиритизму. Сообщение, им полученное, давало ему совет: "Не читайте книгу Лея Ханта" - как раз в то самое время, когда он спрашивал себя, стоит ли ему братья за одну из работ этого автора, посвященную комическому театру периода Реставрации.

Однако, сбитый с толку хаотическим положением дел в Спиритизме и кажущейся неопределенностью его доктрины, поскольку в ту пору ему еще не были известны работы Аллана Кардека и Леона Дени, Конан-Дойль на несколько лет предпочтет ему структурно хорошо организованную систему теософии. Ее основательница, русский медиум Е.П.Блаватская, учредила символический Ватикан теософии в Индии, в Адьяре. Но опровержения, вскоре последовавшие в адрес госпожи Блаватской даже из стана ее друзей, побуждают Конан-Дойля

искать докзательств, которые он надеялся у нее найти, в другом месте.

Всегда ведомый духом научности и критичности, широко открытым сомнению, но мало склонным преобразоваться в уверенность без наличия на то осязаемых и весомых доказательств, Конан-Дойль вступает в 1891 году в Общество Психических Исследований, организацию, возможно более досконально изучающую все "случаи, касающиеся проявления потусторонних сил". Анализ материалов, собранных О.П.И., открывает перед ним значительное количество случаев, не имеющих объяснения, и лишь довольно ничтожное число тех, которые оказались мистификацией.⁶ Получив полномочия от О.П.И., он выезжает изучать события на место происшествия и в компании с двумя другими наблюдателями проводит ночь в "непокойном доме", чтобы изучить очередное проявление полтергейста. Некоторое время спустя в подвале того дома будет найден человеческий скелет.

В 1893 году, в качестве руководителя Аппер-Норвудского литературного Общества, он приглашает Вильяма Баррэта, "пионера английского спиритизма", выступить с лекцией о психических явлениях. Хотя в данном случае Конан-Дойль и исполняет приятную и пассивную роль председателя собрания, тем не менее эта встреча оказывается прелюдией бесчисленных конференций по Спиритизму, в которых он позднее выступит в куда более активной роли лектора и рассказчика.

С терпением и настойчивостью Конан-Дойль продолжает собирать доказательства. Одно из наиболее интересных свидетельств было доставлено ему в ходе сеанса в 1896 году духом путешественника, встреченного им когда-то в Каире за несколько недель до смерти этого человека. Подробности их последнего разговора, сообщенные в ходе этого сеанса, как подчеркивает Конан-Дойль, не могли быть известны другим его участникам. В том же году дух одной женщины связным и точным образом описывает ему жизнь в потустороннем мире. Накопившиеся свидетельства, а также работы Мейерса и Крукса, подтверждающие реальность определенных психических явлений, укрепляют его симпатии, но все еще не могут создать в нем убежденности, и еще менее - обратить его в новую веру.

Конан-Дойль полагает, что убедить и обратить его сможет какое-либо решительное событие интимного характера. Этого события он долго ждал. И вот,

наконец, оно происходит где-то в период между январем 1916 года и публикацией его статьи в журнале "Лайт" от 21 октября того же года, в которой изложено его спиритическое кредо. К этой дате бесследно исчезла Лили Лодер-Саймондс, близкая подруга его жены, с которой он сотрудничал в опытах по криптестезии и автоматическому письму. Конан-Дойль остается весьма сдержан и немногословен по поводу природы этого события, послужившего ему толчком и ставшего причиной его уверенности в реальности потустороннего.

Спиритизм, если верить его хулителям, находит себе сторонников лишь среди людей, жестоко истерзанных разрывом сердечной привязанности и стремящихся найти компенсацию своей слабости в неясном мистицизме. Иначе говоря, он надежда тех, у кого более нет надежды. Есть и другой упрек, быть может, еще более серьезный: Спиритизм, якобы, ущемляет, обедняет личность своих сторонников, которые, утратив всякую предприимчивость и инициативность, вверяют руководство своей жизнью тем, кто уже прожили собственную.

Так вот, едва ли можно найти какого иного человека, который был бы более ярким и впечатляющим опровержением этим расхожим обвинениям, нежели сэр Артур Конан-Дойль. Человек счастливый в личной жизни, имевший множество друзей, достигший благодаря своему писательскому таланту мировой известности, он ни в коей мере не искал в Спиритизме компенсации внутренним драмам. И та рациональность и определенность, с которыми он вступил в ряды его сторонников, никак не были у него продиктованы внезапным разрывом сердечной привязанности, но, напротив, зрели в нем в течение тридцати лет. Тем самым мы желаем сказать всем доморощенным и титулованно-дипломированным скептикам: если уж столь логичный, взыскательный и методичный ум в результате своих многолетних исследований и размышлений признал реальность спиритических фактов и стал сторонником философии Спиритизма, то, значит, все это не может быть "чудовищным суеверием" и бабушкиными сказками, но, напротив того, является выражением действительной природы вещей.

Спиритизм, по всей видимости, удесятерил, а не ослабил предприимчивость и инициативность этого великана, за благодушным обликом которого скрывалась кипучая энергия, неустанно ищущая себе выражения и предпочитающая дела

трудные или безнадежные. Если большинство знаменитостей, ушедших на покой, купаются в лучах славы и только и помышляют о том, как бы не позволить ей угаснуть, ревностно оберегая ее от всего, что могло бы ей повредить, то Конан-Дойль в эту самую пору дополняет свой труд писателя апостольской деятельностью, которой он посвящает все минуты досуга, весь свой престиж, значительную долю состояния - порядка 750.000 фунтов стерлингов - и многие свои сочинения. Беря на себя ответственность за эти действия, вплоть до самых крайних последствий их, он не может избежать и того, что связано с примыканием к спиритическому движению. Обращенный в новую веру, он не может довольствоваться ролью простого сторонника, ему необходимо броситься еще и на передний край борьбы, которую вело движение, подвергавшееся после мировой войны все более резким нападкам. Сделавшись проповедником, он объезжает мир с апостольской миссией, содействуя делу как устным словом, так и пером.

В это время претерпевает серьезные изменения и его художественное творчество. Отныне он не стремится пользоваться фантастическим, чтобы удивить, но лишь за тем, чтобы созидать. Он более не рассматривает фантастическое как повод, дабы рассказать чудесные сказки и блеснуть игрой воображения, но, напротив, силится включить сверхъестественное в реальность в том виде, в каком оно открывается ему новой верой.⁷ Постепенно он лишает сверхъестественное драматических и легкомысленных аксессуаров, чтобы зримее проступило его религиозное и нравственное содержание. Этот долгий путь от тревоги к миру, от сказки к аргументированной вере естественным образом выводит его к "Стране туманов"⁸ - последней уступке издателям, которые умоляют его продолжить приключения старых героев. Напрасные мольбы. Слишком поздно. "Мне бы очень хотелось сделать то, о чем Вы просите, но, как Вам известно, моя жизнь отныне посвящена одной-единственной цели, и в настоящее время у меня не предвидится никаких литературных замыслов, которые могли бы представлять для вас малейший интерес. Я могу писать только то, что выходит у меня из-под пера." Да, другое время, другие нужды. Единственный мир, который он теперь желает описывать, - это мир иной. Единственные голоса, которые он слушает, - это голоса умерших, ибо они помогают ему услышать музыку разбитой скрипки.

В июне 1917 года, менее чем через десять месяцев после заявления в "Лайт", появляется первая его книга, посвященная данной теме, - "Новое Откровение", заглавие которой, не любя (как и все англичане) термина "спиритизм", Конан-Дойль заимствует у почитаемого им французского автора, одного из апостолов учения - Леона Дени. В "Христианстве и Спиритизме" (1898г.) Дени анализирует проблему в четырех ракурсах: "Неясности и искажения в Евангелии", "Эзотерическое учение Христианства", "Общение с духами умерших" и "Новое Откровение". Конан-Дойль, прекрасно сознавая важность темы, остановил свой выбор на последнем, объясняя в своей книге, как это откровение к нему пришло и как он его принял. Он излагает перед читателем свои сомнения и колебания, как бы приглашая его, в свою очередь, преодолеть их, как это сделал он сам.

"Жизненное Послание", появившееся в августе 1919 года, пронизано тоном убежденности и намеренно полемично. Оно раскрывает достаточно широкое видение спиритического учения, которое противопоставляется летаргии общественного сознания, позволившей человечеству докатиться до жестокости, бреда и безразличия, в каковые мир был ввергнут катаклизмом 1914-18гг., оказавшимся лишь логическим ее итогом. Конан-Дойль обличает коррупцию и грубость русской аристократии накануне большевицкой революции, непристойность и эгоизм британского империализма, заносчивость и хищность германской империи и колониализм в лице Леопольда Бельгийского, "этого демона во плоти, скарденность и алчность которого плодили убийства и пытки на значительной части африканского материка и который, тем не менее, был принят при всех дворах мира и погребен после панегирика, произнесенного кардиналом католической церкви - церкви, ни разу не возвысившей голоса, чтобы осудить его дьявольские деяния."⁹ И прежде чем говорить о духовном возрождении, совершаемом Спиритизмом, Конан-Дойль восклицает: "Взгляните на все это и скажите: представлялось ли когда человечество в более неприглядном виде?"¹⁰

Между двумя этими произведениями, все возрастающее воодушевление в которых позволяет судить о степени самоотдачи автора делу Спиритизма, он проводит ряд конференций в высшей степени успешных, средства от которых поступают в спиритические общества. Первая конференция состоялась 7 октября

1917 года. 25 числа того же месяца в Лондоне прошла вторая. Летом 1918 года Конан-Дойль выступает на юге Англии, затем в центральной Англии, осенью в Ноттингэме и Лидсе. С осени 1918 по весну 1919 он проводит не менее 60 встреч-бесед в различных городах Объединенного Королевства. Начиная с 1920 года Конан-Дойль старается вести проповедническую деятельность и в других странах. Объехав Австралию с сентября 1920 по февраль 1921 года, он предпринимает поездку по С.Ш.А. - с апреля по июль 1922 года. Для него эта поездка является своего рода паломничеством к первоистокам. Приезд на родину неоспиритизма наводит его на мысль воздвигнуть монумент в память сестер Фокс. Он высказывается на эту тему в статье, появившейся в "Прогрессив синкер" от 24 мая 1922 года. Эта идея была тут же с энтузиазмом воспринята. В итоге же было построено здание спиритической церкви, открытое в 1928 году. В ее строительстве Конан-Дойль оказывает внушительную финансовую помощь.

В 1923 году он возвращается в С.Ш.А. для чтения нового ряда лекций и посещает также Канаду. Когда к концу 1923 года он на несколько лет прерывает свои поездки за границу, то оказывается, что к этому времени им с проповедью спиритического учения проезжено порядка 80.000 км, а это то же самое, что дважды объехать земной экватор. Но и отложив на некоторое время поездки за границу, Конан-Дойль не перестает служить делу духовного возрождения человечества, только теперь он делает это не столько голосом, сколько пером.

Восхищенный новой и смелой интерпретацией исторической легенды, которую Леон Дени предлагает в своей "Правде о Жанне д'Арк", он решает сделать перевод этой замечательной книги на английский. Его перевод появляется в 1924 году под заглавием "The Mystery of Joan of Arc" и сопровождается предисловием, в котором он воздает должное автору и святой врагине англичан в выражениях, благородство коих далеко выходит за рамки традиционной британской *fair play*. "Я настолько люблю эту книгу и ей восхищаюсь, что мне бы очень хотелось следовать ее тексту как можно ближе. Изложение темы в ней настолько полно и совершенно, что мне ничего не остается добавить от себя, кроме разве только того, что, на мой взгляд, - и я совершенно в этом убежден, - непосредственно после Христа, Жанна д'Арк является на этой земле наиболее высоким духовным существом, о котором у нас имеются достоверные

сведения. Пред ней чувствуешь потребность преклонить колена."

В 1925 году Конан-Дойль открывает на Виктория-стрит спиритическую библиотеку, предназначенную также для издания его собственных работ в этой области. Он сам руководит библиотекой вместе с дочерью Мэри, и друзья нередко застают его там за переносом кипы книг или изготовлением пакетов для их пересылки.

Два тома его монументальной "Истории Спиритизма" появляются в 1926 и 1927 годах между двумя Международными спиритическими Конгрессами, на которых представители 27 стран всякий раз избирают его председателем. "История Спиритизма" - изумительная книга, свежесть ее никак не померкла за годы, прошедшие со времени ее написания. По свидетельству одного английского критика, "немногие книги, посвященные исследованию оккультизма, могут выдержать сравнение с захватывающим повествованием, начертанным вдохновенным пером Конан-Дойля".

Во время Парижского Конгресса (6-13 сентября 1925 года) Конан-Дойль, по словам очевидца, был неразлучен с Леоном Дени, французским патриархом Спиритизма, для которого это публичное появление оказалось уже последним. "Добрый великан склонялся к почти слепому старцу, с трогательной заботливостью вел его по лабиринту коридоров Зала ученых обществ, помогая занять место в президиуме. Добрейший учитель наш был этим сильно тронут: "Конан-Дойль, каков он из себя? Я плохо его вижу..." - "О, он очень высокий, - отвечали мы, - у него прекрасная большая голова, серые глаза и усы a la gauloise. Это не англосакс. Взять хотя бы его имя. Конан - "вождь", ведь это бретонское имя!"¹¹

И Конан-Дойль был совершенно очарован превосходным приемом, который Париж оказывал знаменитому писателю, равно как и блестящим успехом, какой он имел у парижан. Нет, то был не прием, не успех, - это был триумф. В тот день, когда создатель Шерлока Холмса и доктора Ватсона попросил слова, зал, в котором шло заседание, хотя организаторы и постарались выбрать достаточно просторное помещение, не смог вместить всех желающих, и тысячи людей стояли в дверях. Оратор энергично обрисовал научные основы спиритической веры, каковая, на его взгляд, является верой, подтвержденной еще и фактами. "Есть

нечто более сильное, чем просто вера, - это знание... Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю."12

Тремя годами позже, 13 сентября 1928 года, произнося заключительную речь на Лондонском конгрессе, Конан-Дойль выказывает ту же твердость, но теперь она направлена не против скептиков, но против политических деятелей и властей, преследующих Спиритизм. "От своего имени я написал главам некоторых политических групп в Англии и сказал им, что если все это не прекратится к полному нашему удовлетворению, то я сделаю и невозможное для того, чтобы добиться восстановления справедливости. Если то будет нужно, я публично предстану перед какой угодно партией, которая вздумает творить над нами суд. (Аплодисменты). У нас пятьсот церквей в Англии, из которых четыреста объединены внутри Лондонского спиритического Альянса, а остальные сто - независимы. Пятьсот церквей! мы сможем преобразовать каждую из них в политический центр, мы прекрасным образом организованы, и я не знаю никакой другой группы, которая была бы способна объявить забастовку лучше, чем то можем сделать мы. (Аплодисменты). Я уверяю вас, что если только вы пожелаете это осуществить, вы добьетесь отмены преследующего нас законодательства. (Смех и аплодисменты)."13

Конечно же, никто не стоял в дверях зала, как то было в Париже - ведь никто не пророк в своем отечестве, - но вечернюю конференцию в рамках Лондонского Конгресса Конан-Дойль посвящает психофотографии. И в конце концов конференция буквально завораживает его слушателей. Среди супранормальных снимков, которые проецирует сэр Артур, некоторые сделаны им самим, а другие присланы его корреспондентами и отобраны им после удостоверения в их подлинности. По большей части это были обычные фотоснимки эктоплазмы. Самым удивительным из всех показанных им снимков был тот, автором которого являлся фотограф из "Морнинг пост", бывший, кстати сказать, скептиком. Свой снимок он сделал по ходу сеанса у лондонского медиума миссис Дин в присутствии множества свидетелей, часть которых составляли журналисты; вслед за этим он сам же этот негатив проявил. "На данном снимке, - поясняет докладчик, - видно характерное лицо старика." Нам интересно было узнать, что единственный человек, которому можно было приписать это лицо, - это старый

профессор, д-р Белл, тот самый, с которого Конан-Дойлем были срисованы некоторые черты его знаменитого детективного персонажа.¹⁴ Образ на экране являл характерные черты Джо Белла, всегда походившего на вождя краснокожих, но теперь он выглядел так, как должен был бы смотреться в старости."¹⁵

На Конгрессе Конан-Дойль, как почетный Председатель, произнес речь в память о Леоне Дени, где прославил его кельтскую духовность. "Это был, по моему мнению, отважный воин, настоящий борец. При взгляде на его прекрасную голову, я тут же представлял ее себе увенчанной двурогим воинским шлемом. Когда-то прежде он сражался на поле брани, принося свою жизнь в жертву великому и чистому идеалу. В наши же дни он бился силою просвещения за самое благородное дело, какое только есть на земле. Работа над переводом его книги о великой французской героине, медиуме и мученице Жанне д'Арк была для меня почетной миссией. Я полагаю, что его понимание Жанны д'Арк более здраво, наконец, более истинно, чем те, что даны Бернардом Шоу или Анатолем Франсом."¹⁶

Переводчик "Правды о Жанне д'Арк", одаренный мягким юмором в той же мере, что и великодушием, проявил в ту пору незаурядную интуицию, питая мало симпатии к знаменитому английскому драматургу из-за ироничного и резкого скептицизма последнего. Так, некоторое время спустя, Шоу хвалился тем, что ему удалось на одном из спиритических сеансов устроить мистификацию, которая оказалась неразоблаченной. Тем самым он подрывал доверие и ко всем остальным зарегистрированным феноменам. Конан-Дойль обрушил на него свое негодование в предпоследнем своем произведении, "Наша африканская зима", появившемся в 1930 году. "Не приходится сомневаться, что я, в присутствии свидетелей, видел свою мать также и после ее кончины. Но, похоже, люди уже не верят моему слову, поскольку Бернард Шоу обманул своих друзей. Можно ли придумать софизм более бессовестный?" Его реплика в адрес Шоу вписывается в ряд бесчисленных полемик, в которых Конан-Дойлю приходилось принимать участие: его миссионерская деятельность не всегда вызывала любопытство, соединенное с симпатией. Так с сентября 1921 по март 1922гг. в колонках "Санди экспресс" он ведет долгую и жесткую полемику с Джоном Дугласом по поводу статьи последнего, озаглавленной "А не сошел ли Конан-Дойль с ума?".

Если тон сэра Артура остается учтывым в споре с его другом Джеромом К.Джеромом в июле 1921 года в "Каммен сенс" или с Бертраном Расселом в "Санди экспресс", то он делается резким и почти саркастическим, когда противником Конан-Дойля оказывается с 1928 по 1930гг. Г.Дж.Уэллс. Автор "Человека-невидимки" и "Войны миров" в своем новом романе, "Самовластье мистера Пархема", вообразил, будто эктоплазмическое порождение одного персонажа, возникшее в ходе спиритического сеанса, приходит к власти в Великобритании, для того чтобы ввергнуть мир в войну. Статья "Чем раздражен Г.Дж.Уэллс?" говорит о все возрастающем отчаянии Конан-Дойля перед непрекращающимися нападками и атаками, объектом которых служит Спиритизм. "Одно из двух: либо наблюдатели все суть лжецы и глупцы, либо же их наблюдения истинны. Если я, без тени сомнения, утверждаю, что в присутствии свидетелей одновременно видел свою мать и племянника, когда их обоих уже не было в живых, то вполне ясно, что я принадлежу или к той, или к другой из этих двух категорий. Заботу решать это я предоставляю тем, кто меня знают и могут судить обо всем сделанном мною."17

Как Парижский Конгресс стал последним, где появился Леон Дени, так и Лондонский Конгресс оказался последним, на котором присутствовал сэр Артур Конан-Дойль. Его "земная миссия", если говорить спиритическим языком, завершилась 7 июля 1930 года, но он исполнил ее до конца. Едва закончился Лондонский Конгресс, как сэр Артур вновь взял в руки свой страннический посох: в 1928 году он проповедует в Южной Африке, Родезии и Кении, в 1929 объезжает Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию и Швецию. Незадолго перед кончиной он намеревался отправиться в Рим, Афины и Константинополь, дабы принести в три великих духовных столицы мира свет Нового Откровения.

Спиритическое кредо сэра Артура Конан-Дойля покоилось на трех главнейших постулатах.

Прежде всего, на необходимости этого Нового Откровения в связи с крушением религий и их беспомощностью перед бесчинствами материализма. Конан-Дойль обвиняет религии, и в особенности христианство, в том, что оне обращаются к изношенным и оскорбительным символам, не способным удовлетворить своих приверженцев. "Оне потеряли всякое соприкосновение с

живой духовной реальностью и довольствуются тем, что увязывают все с далекой античностью, воздавая сугубо формальную дань уважения отмирающей системе, связанной с теологией настолько невероятной, что порядочный человек не может помышлять о ней без содрогания."18

Во-вторых, спиритическое Откровение дает ясный и простой ответ на вопросы, связанные с выживанием души после смерти тела и человеческим бессмертием. Оно принимает в расчет необходимость искупления, ибо указывает, что духам дозволено очищаться, переходя из низших миров в миры высшие, но при этом оно исключает понятие "ада", "уже давно исчезнувшее из мыслей всякого разумного человека. Это одиозное представление, столь клеветующее на Создателя, возникло из-за сгущения красок цветистой восточной фразеологии и могло быть уместно только в первобытную эпоху, когда люди пугались огня так же, как дикие звери пугаются путешественника."19 В спиритическом видении, потусторонний мир не отдает никакого предпочтения одной религии перед другой. Умершие, какова бы ни была их прежняя вера, проходят через те же испытания и оказываются в том же самом положении, которое они принимают с чувством братской солидарности. Таким образом, Спиритизм, а именно этим он и привлек к себе столь великодушного человека, каким был Конан-Дойль, осуществляет единство веры, которого никогда не удавалось добиться в мире материальном.

Наконец, согласно последнему постулату, Спиритизм - это единственная вера, примиряющая религию и науку. Через общение с умершими Спиритизм доказал выживание души после смерти тела и тем рассеял сумерки и мрак потустороннего мира. Откровения Спиритизма не приписываются древним пророкам или каким-либо очевидцам, жившим в глубокой древности и само существование которых представляется мифом и может быть законно взято под сомнение. Нет, его откровения даны нам самими нашими современниками. Его откровения были удостоверены не мистиками или поэтами, но учеными, чей авторитет не подлежит обсуждению. Единственная возможность стать убежденным спиритом - это самому получить доказательства реальности тех явлений, на которых Спиритизм основывается и которые он утверждает. И если именно на соби́рание этих доказательств столь требовательный, строгий и педантичный ум, как сэ́р Артур

Конан-Дойль, потратил более сорока лет своей жизни, то после этого всякому серьезному человеку сомневаться в реальности этих явлений недозволительно. Во всяком случае, он может позволить себе это лишь в той же мере, в какой будет сомневаться в твердо установленных законах и истинах математики, физики, химии и других наук. "Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть."²⁰

Удостоверившись в реальности духовных истин, Конан-Дойль перестал интересоваться научной стороной психических явлений, для того чтобы целиком сосредоточиться на их религиозной и моральной стороне. Он говорит, что "время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства." По его глубокому убеждению, психические явления были важны лишь постольку, поскольку они служили основанием "великому множеству знаний, призванных коренным образом изменить наши старые религиозные представления. При верном понимании и усвоении эти знания должны превратить религию в явление в высшей степени действенное, которое, однако, более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину."²¹

Говоря о духовной эволюции и прогрессе, которые возможны для человечества лишь благодаря закону перевоплощения, Конан-Дойль предвещает, что "если предки наши смогли найти прибежище в теле обезьяны, то наши потомки смогут облачиться в тело ангелов."²²

Настоящим переводом²³ мы надеемся привлечь внимание русской читающей публики к этой не известной ей ранее стороне творчества замечательного английского писателя. Основу нашей книги "Записки о Спиритизме" составляют случайно попавшие в поле нашего зрения разрозненные статьи-письма писателя, напечатанные при его жизни в различных газетных изданиях. Стало быть, данная подборка никоим образом не является лучшим, что им было написано по этому поводу. А значит, очень может быть, что как раз самые интересные из его коротких публикаций на эту тему и не попались нам на глаза.

Надо сказать, что публицистическое наследие Конан-Дойля невероятно велико. Оно охватывает собой широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях

науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины до оккультных явлений. Между этими двумя полюсами помещаются история, политика, право, военное дело, криминалистика, религия, философия, искусство и многое другое. Во всех этих своих публикациях он снова и снова выступает как человек, наделенный могучим здравым смыслом и самостоятельностью суждения, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, вполне заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами. Полное издание его работ в этом жанре, насколько нам известно, в самой Англии все еще не было осуществлено, и тем более оно ждет своего издателя и переводчика у нас, в России. Мы, таким образом, закладываем здесь лишь первый камень той интересной литературоведческой и философской работы, которую нашим филологам предстоит еще совершить в будущем.

В публикуемых нами повестях и рассказах о мистическом и таинственном читатель сможет познакомиться с малоизвестными сторонами творчества замечательного английского писателя. Значительная часть из них публикуется на русском языке впервые. Вещи, издававшиеся ранее, тщательно сверены издателем-составителем с текстом оригинала и отредактированы заново. Читатель сборника несомненно сможет вновь насладиться талантом мастера детективного рассказа, искусно вычерченной интригой.

Свой рассказ о спиритуалистических изысканиях сэра Артура Конан-Дойля мы не могли бы, на наш взгляд, завершить лучше, нежели приведя слова итальянского писателя Курцио Малапарте:

"Chi ritorna vivo da quello straordinario viaggio nell'al di la, non puo piu guardare il mondo con gli occhi di prima. Non vede piu le cose nei loro mutevoli aspetti, ma nella loro segreta natura. Tornera mutato: tornera libero, un uomo libero, nel senso piu profondo. Poiche la liberta non e altro che la conoscenza del rapporto fra la vita e la morte, fra il mondo dei vivi e quello dei morti." 24 Йог Раманантата 04.06.92

0.5 В достаточно подробном примечании к "Запискам о Шерлоке Холмсе" (Минск, 1984) об увлечении Конан-Дойля спиритизмом (как можно об этом догадаться) издевательски говорят следующие скупые строки:

"Оптимист по натуре, общительный и энергичный, любитель мистификаций, Конан Дойл шутил даже во время тяжелой предсмертной болезни: "За всю жизнь мою у меня было много приключений. Но самое сильное и удивительное ждет меня теперь." (прим webm.)

1 "The New Revelation", New York, George H. Doran Company, 1918.

2 "Memories and Adventures", Boston, Little, Secker & Warburg, 1926.

3 "Memories and Adventures".

4 Однако в действительности, при манифестации спиритических явлений ни полумрак, ни время и место проведения сеанса, ни количество его участников или их позы не играют сколько-нибудь значительной роли. (Й.Р.)

5 Читателю не следует пугаться слова "медиум". В переводе на современный язык это значит "экстрасенс". Так, например, пресловутая Ванга - типичный медиум. (Й.Р.)

6 Что касается мистификаций и обманов, то любой род человеческой деятельности платит свою долю дани людской непорядочности. Разве не профанировались людьми, корысти или тщеславия ради, самые святыя вещи? И все это с самых незапамятных времен. То же самое и здесь. (Й.Р.)

7 Термин "вера" мы используем здесь лишь по аналогии. На самом деле речь не идет о вере, но о знании. (Й.Р.)

8 "The Land of Mist" - роман, завершающий серию приключений профессора Челленджера. Другой вариант для перевода его названия - "Земля Туманная".
Пропагандистский роман о Спиритизме. (Й.Р.)

9 "Le Message vital", Paris, Jean Meyer edit., 1925. (Й.Р.)

10 Ibidem.

11 Gaston Luce, "Leon Denis, l'apotre du Spiritisme", Paris, Jean Meyer edit., 1928. (Й.Р.)

12 "Compte rendu du Congres spirite international de 1925", Paris, Jean Meyer edit., 1928.

13 "Compte rendu du Congres spirite international de 1928", Paris, Jean Meyer edit., 1929.

14 Речь, разумеется, идет о Шерлоке Холмсе. (Й.Р.)

15 "Compte rendu du Congres spirite international de 1928", Paris, Jean

Meyer edit., 1929.

16 Ibidem.

17 "Sunday Express", January, 8, 1928.

18 "History of the Spiritualism", (2 vols.), Cassell, 1926,1927.

19 "The New Revelation".

20 "The New Revelation".

21 "The New Revelation".

22 "History of the Spiritualism".

23 Речь идет о публикации книг "Новое Откровение" и "Записки о Спиритизме" в 1993г.

24 Обрусим сказанное, дабы мысли эти ни для кого не оказались потерянными: "Кто возвращается живым из поразительного путешествия в мир потусторонний, тот не может уже взирать на мир физический прежними глазами. Ему становится зрима не изменчивая видимость вещей, но их сокровенная природа. Он вернется из путешествия этого совершенно преображенным: он станет свободен, сделается свободным человеком в самом глубоком смысле слова. Потому что свобода - это не что иное, как знание взаимосвязи между жизнью и смертью, между миром живых и миром умерших." (Й.Р.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие умы, гораздо более философичные, нежели мой, уже размышляли над религиозной стороной этого предмета, и многие куда более научно устроенные головы обратили свое внимание на физические проявления его. Однако, насколько известно мне, не было сделано еще ни одной попытки показать взаимосвязь, что существует между той и другой сторонами этой проблемы. И я чувствую, что если б мне удалось хоть в какой-то мере прояснить ее, то тем самым я сильно поспособствовал бы раскрытию самой важной, как мне представляется, тайны, касающейся всего рода человеческого.

Знаменитый медиум г-жа Пайпер произнесла в 1899 году слова, которые были тогда записаны д-ром Ходсоном. Говоря в состоянии транса о будущей духовной религии, она заявила: "В следующем столетии вещи эти сделаются удивительным образом доступны человеческому уму. Я предскажу еще и то, осуществление чего вы, несомненно, увидите. Прежде, чем людям ясно откроется возможность их сообщения с потусторонним миром, произойдет ужасная война, которая охватит различные части земного шара. Весь мир должен быть обновлен и очищен, прежде чем смертный своим духовным зрением сможет рядом с собой увидеть друзей из мира иного, и работа именно в этом направлении позволит человечеству достичь совершенства. Поразмысли же над этим, друг."

"Ужасную войну, которая охватит различные части земного шара", мы уже пережили. Остается ждать исполнения лишь второй части пророчества. А.К.Д. 1918г.

Глава Первая ИСКАНИЯ

Психические исследования - это предмет, над которым я всего более размышлял и по поводу которого я все же куда медленнее составил себе мнение, нежели по поводу какого-либо иного. По мере того, как продвигаешься по жизни, происходят определенные события, которые вынуждают человека признать тот факт, что время безвозвратно проходит и что молодость и даже зрелые годы уже давно миновали. Именно это и произошло на днях со мной. В одном из свежих номеров превосходнейшего журнала, который называется "Лайт"¹, появилась колонка, посвященная событию тридцатилетней давности, что в среднем соответствует длине жизни одного поколения. Пробегая взглядом текст, я буквально вздрогнул, когда увидел внизу свое имя и узнал, что читаю перепечатку письма, написанного мною в 1887 году, в котором сообщаются некоторые интересные подробности, касающиеся опытов, проведенных во время спиритического сеанса.² Отсюда явствует, что предмет этот интересует меня довольно давно и что я не был слишком уж поспешен в намерении составить себе

о нем собственное мнение, поскольку заявление о том, что реальность этих явлений представляется мне несомненной, было сделано мною всего лишь пару лет назад.

Если я и говорю здесь о некоторых своих опытах и встретившихся на моем пути трудностях, читатели, надеюсь, не воспримут это как некое ячество, но согласятся с тем, что это самый лучший способ дать ответ именно на те вопросы, которые скорее всего возникнут в уме читателя. Придерживаясь такой линии, я смогу дать ответ более общий и одновременно, по природе своей, более безличный.

Когда в 1882 году я завершил свое медицинское образование, то, как и большинство молодых врачей, оказался убежденным материалистом во всем, что касалось человеческой участи. Но в то же время я никогда не переставал быть и ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто еще не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звездной ночью во время египетского похода профессорам-атеистам: "Скажите-ка, господа, кто создал эти звезды?". Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: "Кто же создал эти законы?". Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности природы - Разум столь бесконечно сложный и великий, что мой ограниченный ум не может постичь о нем ничего, кроме самого факта его существования. Добро и зло представлялись мне столь неоспоримыми, что для обоснования их я не видел нужды ни в каком Божественном откровении. Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, якобы переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергают сохранение личности после смерти тела. Так, когда догорает свеча, исчезает свет; когда обрывается провод, исчезает ток. И когда гибнет тело, исчезает сознание. Каждый человек в эгоизме своем может чувствовать, будто его "я" бессмертно, но пусть он взглянет, скажем, на среднего бездельника, принадлежащего к высшему или низшему классу общества - возникнет ли у него тогда в самом деле мысль, будто есть какая-то явная причина к тому, чтобы и такая личность продолжала жить после смерти тела? Это представляется иллюзией, и я был убежден, что смерть действительно есть конец всего, хотя и

не видел причин, чтобы это как-то должно было отражаться на наших обязанностях по отношению к человечеству во время нашего преходящего существования.

Таково было состояние моего ума в ту пору, когда я впервые столкнулся со спиритическими явлениями. Я всегда смотрел на эту тему как на величайшую глупость на свете; к тому времени я прочитал кое-какие рассказы о скандальных разоблачениях медиумов и поражался тому, как человек, будучи в здравом уме, мог вообще в такое поверить. Однако некоторые из моих друзей интересовались спиритуализмом, и я вместе с ними принял участие в сеансах с верчением стола. Мы получили связные сообщения. Боюсь, единственным результатом этих посланий для меня стало то, что теперь я смотрел на своих друзей с некоторым подозрением. Очень часто сообщения были пространными, слова в них составлялись по слогам за счет приподнимания и опускания ножки стола, и мне казалось совершенно невозможным, чтобы все это было случайностью. Стало быть, что-то должно было двигать столом. И я решил, что тут не обошлось без кого-то из моих друзей. Возможно, и они думали обо мне то же самое. Я был озадачен и обеспокоен этим, ибо они были не теми людьми, которых можно заподозрить в мошенничестве. И все же я не видел иного объяснения этим сообщениям, кроме сознательных манипуляций со столом.

В это же самое время - приблизительно в году 1886 - мне попала книга, озаглавленная "Воспоминания судьи Эдмондса". Ее автор был членом Верховного Суда С.Ш.А., человеком высокой репутации. В своей книге он рассказывает о том, как после смерти жены продолжал общаться с ней в течение многих лет. Эдмондс приводит разного рода подробности. Я прочитал его книгу с интересом и полнейшим скептицизмом. Мне она показалась примером того, что и в уме людей практического склада могут быть слабые стороны, своеобразная реакция, думалось мне, на плоские факты жизни, с которыми они вынуждены постоянно иметь дело. Где, спрашивается, находился тот дух, тот ум, о котором он говорил? Предположим, с человеком произошел несчастный случай, повлекший за собой повреждение черепной коробки, - в результате изменится весь его характер, ум высокого порядка опустится до самого низкого уровня. Наконец, под влиянием спирта, опиума и других наркотических веществ характер человека может

совершенно перемениться. Это должно доказывать, что дух зависит от материи.

Таковы были доводы, которыми я располагал в те дни. Я был не в состоянии понять, что не сам дух меняется в подобных случаях, но тело, через которое дух действует и которое служит ему способом выражения. Это все равно как повредить скрипку: она издаст лишь нестройные звуки, но сам музыкант, взявший ее в руки, не утратит от того своей способности быть виртуозом.

Любопытство мое было достаточно подстегнуто, для того чтобы у меня возникло желание и впредь при всяком удобном случае читать литературу подобного рода. Я был весьма удивлен, обнаружив, что многие великие люди, коих имена стали символом науки, целиком и полностью верили в то, что дух независим от материи и может существовать без нее. Когда я рассматривал спиритизм просто как вульгарные домыслы невежд, я склонен был относиться к нему с презрением; но, узнав, что его отстаивают такие ученые, как Крукс, известный мне как величайший английский химик, Уоллес, соперник Дарвина, и Фламарион, крупнейший астроном, я уже не мог позволить себе подобное пренебрежение. Было бы слишком легко отмахнуться от их трудов, исполненных самого тщательного и кропотливого анализа предмета и вытекающих из него выводов, сказав себе: "Пусть их! Видно, в голове у них есть прореха." Надо, однако, обладать большим запасом самодовольства и самоуверенности, для того чтобы ни на минуту не предположить, что такая "прореха" имеется как раз в собственной голове. Некоторое время скептицизм мой поддерживало то соображение, что другие авторитетные ученые - сам Дарвин, Гексли, Тиндаль и Герберт Спенсер - потешались над этой новой ветвью исследований. Но когда я узнал, что их пренебрежение достигло такой степени, что они даже не пожелали ознакомиться с предметом, что Спенсер многократно заявил о своем априорном неприятии подобных исследований, тогда как Гексли признался, что его это попросту не интересует, то я был вынужден допустить, что, как ни были они велики каждый в своей области, в данном вопросе они выказали непростительную слабость, поскольку их подход в данном случае крайне догматичен и всего менее научен. Напротив, по-моему, те исследователи, которые не почли за труд изучить спиритические явления и попытаться вывести управляющие ими законы, пошли по истинно научному пути, пути знания и прогресса. И тогда логика

моего рассуждения поколебала мой скептицизм.

Однако мои собственные опыты его вновь несколько укрепили. Стоит напомнить, что я работал тогда без медиума, а это все равно что уподобиться астроному, не пользующемуся телескопом. Сам я не обладаю медиумической способностью, или "психической силой", и те, кто работали со мною обладали ею еще в меньшей мере. Всех нас, вместе взятых, едва хватало на то, чтоб собрать минимум магнетической силы (можете назвать это как-то иначе), необходимой для получения движений стола, в итоге которых получаются сомнительные и зачастую глупые послания. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов и копии, по крайней мере, некоторых из этих посланий. Они не всегда были совершенно глупыми; например, когда, задавая контрольный вопрос, я спросил, сколько мелочи у меня с собой в кармане, стол по буквам ответил: "Мы приходим сюда, чтобы наставлять и возвышать души, а не за тем, чтоб отгадывать детские загадки." И вслед за этим: "Религиозный склад ума, а не критический желаем развить мы в людях." Никто, думаю, не расценит такое послание как ребяческую шутку. С другой стороны, я постоянно опасался, не объясняется ли все это невольным надавливанием на поверхность стола, которое производят участники сеанса. Именно тогда произошел случай, сильно меня разочаровавший и заставивший надолго потерять интерес к этим явлениям. В тот вечер условия были очень хорошие, и мы получили длинную серию движений, которые, как казалось, совершенно не зависели от нашего влияния. Из них выстраивались длинные и подробные послания, исходившие от духа, назвавшего свое имя и сказавшего, что он был коммивояжером и погиб недавно во время пожара театра в Эксетере. Все детали выглядели точными, и он умолял нас написать его семье, которая проживала, как он сказал, в местечке под названием Слэттенмир, графство Камберленд. Я так и сделал, но письмо пришло назад как высланное по неверному адресу. До сего дня я так и не знаю, было ли то розыгрышем, или произошла какая-то ошибка в написании адреса; но таковы факты, и на какое-то время они породили у меня отвращение ко всему роду этой деятельности. Одно дело было изучать предмет, но когда предмет этот начал устраивать изощренные шутки, то, показалось, пришло время сделать перерыв. Если есть на свете такое место как Слэттенмир, то я даже и сейчас

был бы рад узнать об этом.

В то время я занимался врачебной практикой на Южном море, где и познакомился с генералом Дрейсоном, человеком весьма выдающегося характера. Он был одним из британских первопроходцев в области Спиритизма. К нему обратился я со своими трудностями, и он очень терпеливо меня выслушал. Он уделил весьма мало внимания моей критике в том, что касалось нелепости большинства посланий и совершенной ложности некоторых из них. "Просто по поводу этих явлений у вас в голове пока не сложилось фундаментальной истины", - сказал он. - "А истина эта состоит в том, что всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. В нашем мире куда как хватает людей слабохарактерных и глупых. То же самое, стало быть, должно иметь место и в мире следующем. И вам нет надобности вступать в общение с подобными людьми там, точно так же как вы не делаете этого здесь. Следует выбирать себе собеседников, попутчиков и друзей. Попробуйте представить, что человек из нашего с вами мира, который прожил всю жизнь в собственном доме, никогда не выходил из него и не общался с себе подобными, однажды высовывает голову из окна, чтобы посмотреть, где он, собственно, находится и что это за место, в котором он живет. Что из этого может получиться? Какие-то грубые мальчишки могут наговорить ему кучу глупостей. И он, таким образом, ничего не узнает ни о мудрости, ни о величии этого мира. Он тогда всунет голову назад, решив про себя, что мир этот - весьма ничтожное место. Именно это и произошло с вами. Во время сумбурного сеанса, лишённого определенной цели, вы заглянули в тот мир и натолкнулись там на каких-то вздорных мальчишек. Не останавливайтесь на этом, идите дальше и постарайтесь увидеть нечто лучшее." Таково было объяснение генерала Дрейсона, хотя и не могу сказать, что оно тогда меня удовлетворило. Но сегодня я думаю, что оно было всего ближе к истине.

Таковыми были мои первые шаги в Спиритизме. Я все еще был скептиком, но по крайней мере стал и исследователем, и когда слышал, как какой-нибудь старомодный критик заявлял, будто объяснять в этой области, собственно, нечего и что все это мошенничество, или что все необходимые пояснения может дать хороший фокусник, то я уже хотя бы знал, что такая критика - вздор.

Правда, опыта, которым я к тому времени располагал, не хватало, чтоб убедить меня самого, но я не переставал читать литературу и мог видеть, сколь глубоко другие люди проникли в этот предмет, и я признавал, что свидетельства в пользу Спиритизма столь неопровержимы, что никакое другое религиозное движение на свете не может с ним сравниться. Это, правда, еще не доказывало его истинности, но по крайней мере свидетельствовало, что он вполне заслуживает уважения и что от него нельзя просто отмахнуться.

Возьмите странное происшествие, которое Уоллес справедливо назвал "современным чудом". Я предпочитаю говорить именно о нем, потому что событие это кажется всего более невероятным. Я имею в виду утверждение, что Д.Д.Хоум (который, кстати сказать, никоим образом не был, как полагают некоторые, платным медиумом, ибо он племянник графа Хоума), выпрыгнув при свидетелях из окна дома, вместо того чтобы упасть, поднялся по воздуху и влетел в другое окно того же дома на высоте 70 футов над землей.³ Я не мог в это поверить. И все же, когда я узнал, что факт этот подтвержден тремя свидетелями, присутствовавшими при сем: лордом Данрэйвеном, лордом Линдсеем и капитаном Уинном - все трое люди чести, пользующиеся большим уважением, - и что впоследствии они пожелали удостоверить свои показания под присягой, то мне оставалось только признать, что очевидность факта была здесь гораздо лучше удостоверена, нежели в отношении многих удаленных от нас во времени событий, которые весь мир согласился рассматривать как истинные и действительно имевшие место.⁴

Все эти годы я продолжал участвовать в сеансах со столами, порой совершенно безрезультатными, а иногда дававших результаты тривиальные. Но все же время от времени мы получали и результаты совершенно удивительные. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов, и я приведу фрагменты одного из них, которые позволили сделать вполне определенные выводы, но вместе с тем это настолько не соответствовало моим тогдашним представлениям о загробной жизни, что в те дни скорее лишь позабавило меня, чем убедило. Но теперь, когда я вижу, что те результаты очень во многом согласуются с откровениями, приведенными в "Рэймонде",⁵ и с другими более поздними рассказами, я смотрю на них иными глазами. Я вполне сознаю, что все

сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но все же в главном между ними есть большое сходство, которое в данном случае изрядно далеко от тех представлений, какие были об этом у меня или тех двух дам, что участвовали со мною в сеансе. В общение с нами, один вслед за другим, вступили два духа. Первый по буквам назвал свое имя: "Дороти Потлетуэйт" - имя, никому из нас не известное. Она сказала, что умерла пять лет назад в Мельбурне в возрасте шестнадцати лет, что теперь она счастлива, что у нее есть дело, которым она занимается, и что она училась в школе вместе с одною из присутствующих дам. По моей просьбе эта дама отняла от стола руки и назвала ряд фамилий; при произнесении имени и фамилии директрисы школы стол слегка приподнялся. Это выглядело как подтверждение предыдущего заявления. Далее дух этой девушки сказал нам, что мир, в котором она теперь живет, располагается вокруг Земли. Ей знакомы также и другие планеты. Так, на Марсе живет раса гораздо более продвинутая, чем мы, и что каналы на этой планете искусственного происхождения. В их мире нет физической боли, но могут быть душевные муки^{5.5}. Ими правят. Они питаются пищей. При жизни на земле она была католичкой и осталась ею и сейчас, но у нее нет никаких преимуществ перед протестантами. Среди ее окружения есть также буддисты и магометане, но все живут в одинаковых условиях. Она ни разу не видела Христа и знает о нем не больше, чем на земле, но верит в его влияние.⁶ Духи молятся. Они умирают в своем мире прежде, чем вступить в другой. У них есть удовольствия - музыка среди них. Это царство света и веселья. Она добавила, что у них нет ни богатых, ни бедных и что общие условия жизни несравненно счастливее, чем на земле.

Девушка пожелала нам доброй ночи, и стол тут же оказался во власти гораздо более энергичного влияния, так как движения его стали значительно резче. На мои вопросы последовал ответ, что со мной общается дух человека, которого я здесь назову "Доддом". Он прославился как замечательный игрок в крикет, и мы с ним довольно серьезно беседовали в Каире незадолго до его отъезда на Нил в составе Донголезской экспедиции, где его и настигла смерть.

Обращаю внимание читателя, что этот период моих исследований приходится на 1896 год. Ни одна из дам о Додде ничего не знала. Я начал задавать ему вопросы точно так же, как если бы он сидел передо мной, и он отвечал мне быстро и уверенно. Ответы часто были совершенно противоположны тому, что я ожидал услышать, так что невозможно подумать, будто я как-то влиял на них. Он сказал мне, что счастлив и не желает возвращаться на землю. Живя среди нас, он был "вольнодумцем" (т.е. не верил в Бога), но не страдает из-за того в этой следующей своей жизни. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов. Если бы он молился прежде, то достиг бы в духовном мире более высокого положения.

Это, я должен заметить, представляется противоречащим его утверждению о том, что он не пострадал там от земного "вольнодумства", хотя, конечно, молитвой пренебрегают и многие из тех, кто не являются вольнодумцами.

Его смерть была безболезненна. Он рассказал о смерти Полуэлла, молодого офицера, погибшего раньше него. Когда он (Додд) умер, то увидел людей, пришедших встретить его, но Полуэлла среди них не оказалось.

Додд был занят в том новом мире, но ему стало известно о падении Донголы. Он, однако, не присутствовал в духе на званом обеде, состоявшемся вскоре после этого в Каире. Ему теперь известно больше, чем при жизни. Он напомнил мне о нашем разговоре в Каире. Продолжительность жизни в следующем мире короче, чем на земле. Он не видел ни генерала Гордона, ни духов других знаменитых людей. Духи в их мире живут семьями и общинами. Мужья и жены необязательно встречаются, но те, кто действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Я дал этот краткий обзор сообщений, с тем чтобы показать, какого характера материал мы получали, хотя надо признать, что образцы, приведенные мною, весьма выигрышны как с точки зрения пространности, так и смысловой цельности. Из этого обзора следует, что несправедливо уподобляться критикам, которые утверждают, будто на таких сеансах ничего, кроме глупостей, не получается. В данных случаях речь не идет о глупостях, если только "глупостью" мы не называем все то, что не согласуется с нашими предвзятыми и поверхностными идеями. С другой стороны, какое доказательство было тому, что

сообщения эти соответствовали действительности? Я подобных доказательств увидеть не смог, так что мне оставалось только удивляться. Сейчас, когда опыт мой значительно расширился, когда я знаю, что аналогичного рода информация была получена слишком многими людьми независимо друг от друга и во многих странах, я думаю, что такое согласование свидетельств по всем законам здравого смысла составляет своеобразный довод в пользу того, что все эти сообщения истинны. Но в то время я не мог вписать подобную концепцию о будущей жизни в свою философскую схему, я только отметил ее и прошел мимо.

Я продолжал читать множество книг о данном предмете и все более и более ценил то, какая тьма тьмущая существует о нем свидетельств и с какой тщательностью проведены подобные наблюдения. Все это производило на меня гораздо большее впечатление, нежели те ограниченные феномены, что находились в пределах моего собственного практического достижения. Тогда или несколько позднее я прочитал книгу г-на Жаколио об оккультных явлениях в Индии. Жаколио был председателем трибунала во французской колонии Чандернагор; у него довольно юридический склад ума, и при этом он был скорее предубежден против Спиритизма. Жаколио принял участие в ряде опытов с йогами, которые оказали ему доверие, потому что он был человеком, располагавшим к себе, а также говорил на их языке. В своей работе он подробно расписывает всевозможные меры предосторожности, которые ему пришлось принять, дабы оградить себя от всякой попытки обмана. Чтобы сократить его изрядно длинный рассказ, скажу лишь, что ему довелось наблюдать там все явления, которые мы получаем с медиумами высокого класса; например, все то, что проделывал Хоум. Жаколио был приобщен к эфирному зависанию тел, управлению огнем, к передвижению предметов на расстоянии, к ускоренному проращиванию растений, к левитации столов. Сами йоги объясняли свои способности тем, что они обладают ими от питри (духов); единственное различие между их способами и нашими состояло, повидимому, в том, что они больше пользовались прямым вызыванием. При этом они утверждали, что способности эти были переданы им еще в незапамятные времена и восходят к халдеям.⁷ Все это произвело на меня сильное впечатление, ведь оказывалось, что у йогов и у нас, хотя мы ничего и не знали друг о друге, были совершенно одинаковые результаты. И здесь речь

не шла об "американских подлогах и подделках" или о "современной вульгарности", в чем столь часто Спиритизм обвиняют в Европе.

В ту пору я испытывал также влияние отчета Диалектического общества, хотя он и появился на свет в далеком 1869 году. Это весьма убедительный документ. Встретив лишь хор насмешек со стороны невежественных и материалистических газет тех дней, он тем не менее являлся свидетельством, обладавшим исключительной ценностью. Членами Общества были люди с хорошей репутацией и открытым умом, пожелавшие исследовать физическую сторону феноменов Спиритизма. Они приводят полный отчет о своих опытах и о разработанной ими системе предосторожностей против подлога. По прочтении составленного ими отчета трудно увидеть, к какому иному выводу могли еще прийти его авторы помимо того, что провозглашается ими, а именно: описанные явления, без всякого сомнения, действительно существуют и указывают на законы и силы, еще не изученные наукой. Наиболее примечательно в данном случае то, что если бы ученая комиссия вынесла вердикт против Спиритизма, то тот определенно был бы воспринят как смертельный удар спиритуалистскому движению, но поскольку их вывод явился подтверждением феноменов, то и не встретил ничего, кроме насмешек. Такая же участь постигла и множество иных исследований, начиная с тех, что состоялись в 1848 г. в Гайдсвилле, и вплоть до произошедших после того, как профессор Хэйр из Филадельфии устремился, подобно Св.Павлу, чтобы воспротивиться истине, но был вынужден почтительно склониться перед нею.

Где-то к 1891 году я стал членом Общества психических исследований и получил возможность читать все его отчеты. Мир многим обязан методичной, неутомимой работе этого Общества и трезвости суждения, которою пронизаны все его труды. Но все же я позволю себе заметить, что эта же трезвость иногда выводит из терпения - чувствуешь, что в своем желании избежать сенсационности составители отчетов сами отбивают у людей всякую охоту узнать о великолепной работе, ими проделанной, и извлечь пользу из ее результатов. Полунаучная терминология, используемая ими, также отпугивает обычного читателя, и, когда я читаю их статьи, мне порой вспоминаются слова американского траппера из Роки-Маунтинз. Рассказывая мне об одном человеке

из университета, у которого охотник был проводником, он охарактеризовал его следующим образом: "Он такой умный, что никогда не поймешь, о чем он там говорит." Но, несмотря на эти мелкие странности, те из нас, кто жаждали света во тьме, смогли обрести его именно благодаря методичной, неустанной работе Общества. И ее влияние также является одной из тех сил, что и сейчас помогают мне оформить собственные мысли. Но есть еще и другая сила, оказавшая на меня глубокое воздействие.

Хотя я и читал обо всех опытах, проделанных великими исследователями, но мне ни разу не встретилось с их стороны ни малейшей попытки создать такую систему взглядов, которая бы вместила в себя их все. И вот я познакомился с монументальной книгой Мейерса "Человеческая личность",⁸ книгой, которая является как бы корнем, из коего в свое время вырастет все древо знания. Автор не мог в этой книге создать системы, которая бы включила в себя все феномены, называемые "спиритическими"; но, обсуждая действие ума на ум, которое он сам назвал "телепатией", Мейерс высказал свое мнение с такой ясностью и тщательно проработал его с таким множеством примеров, что все, за исключением только тех, кто сами не пожелали видеть и признавать очевидность, рассматривают теперь его труд как научный факт.⁹ И это было огромным шагом вперед. Если ум может действовать на ум на расстоянии, то это означает, что в человеке есть силы совершенно отличные от материи, как мы ее всегда понимали. Почва у материализма, таким образом, уходила из-под ног, и мои старые принципы оказывались разрушенными. Я утверждал прежде, что пламени не может быть, если свеча догорела. Но здесь пламя оказывалось никак не связанным со свечой и действовало совершенно самостоятельно. Аналогия, стало быть, оказалась ложной. Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, значит, они, до известной степени, есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело уже погребено? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что данные проявления осуществляются чем-то в точности таким же, как тело, но все же действующим вне его и его переживающим. Такие явления, как простейшие случаи

чтения мыслей, с одной стороны, и деятельное проявление духа независимое от тела, с другой, представляют собой звенья одной сплошной цепи доказательств, связанных между собой и друг в друга переходящих. Это обстоятельство представилось мне первым из признаков, слагающих научную систему, а система вносит строй и порядок в то, что до этого выглядело всего лишь нагромождением невероятных и более или менее разрозненных фактов.

Примерно в то же время мне представилась возможность принять участие в интересном эксперименте, ибо я был одним из трех членов Психического общества, которых оно направило на место событий в "непокойный" дом. Это оказался один из тех случаев полтергейста, когда разного рода звуки и глупые проделки продолжаются в течение многих лет, что очень похоже на классический случай семьи Джона Уэсли в Эпуорте в 1726 году, или на то, что произошло с семьей Фокс в Гайдсвилле возле Рочестера в 1848 году и дало начало современному Спиритизму. Из нашей поездки не вышло ничего сенсационного, и все же она не оказалась совершенно бесплодной. В первую ночь ничего не произошло. Во вторую мы услышали сильный шум: звуки напоминали сильные удары палкой по столу. Мы, разумеется, приняли все меры предосторожности, но нам не удалось найти объяснения этому шуму, однако, мы не могли бы поручиться, что с нами не сыграли какой-то замысловатой дурной шутки. На этом дело пока и кончилось. Тем не менее, несколькими годами позже я встретил одного из жильцов этого дома, и он сказал мне, что уже после нашего посещения в саду при доме были открыты останки ребенка, закопанные, повидимому, довольно давно. Согласитесь, что это весьма примечательно. "Непокойные" дома - это редкость, и дома, в садах которых зарыты человеческие останки, надеюсь, тоже. То, что оба этих исключительных обстоятельства объединены относительно одного и того же дома, определенно является доводом в пользу подлинности феномена. Интересно напомнить, что и в случае с семьей Фокс также есть упоминание о человеческих останках и признаки того, что в подвале дома когда-то произошло убийство, хотя преступление как таковое никогда установлено и не было. У меня нет особых сомнений в том, что если бы Уэсли смогли вступить в словесный контакт со своим преследователем, то они бы узнали, что могло послужить причиной подобной назойливости. Похоже на то,

что если жизнь прерывается внезапно и резко, то у человека еще сохраняется некий неизрасходованный запас жизненности, которая может находить себе выход, проявляясь таким необычным и злонамеренным образом. Позднее я еще раз столкнулся с подобным явлением, рассказ о чем помещен в конце этой книги. 10

С тех пор, вплоть до начала войны, в редкие часы досуга посреди своей весьма занятой жизни, я продолжал уделять внимание избранной теме. Я присутствовал на целой серии сеансов, давших удивительные результаты, включая множество материализаций, видимых в полумраке. Однако, поскольку медиум некоторое время спустя был уличен в трюкачестве, я был вынужден отказаться от этих результатов как доказательства. В то же время крайне важно уберечься от предубежденности, и я думаю, что медиумы, вроде Эвзапии Палладино, могут поддаваться искусству трюкачества, если им изменяет их природный медиумический дар, тогда как в другое время достоверность их дара не может быть подвергнута никакому сомнению. Медиумичество в низших своих формах является даром чисто физическим и никак не связано с нравственностью наделенного им лица; помимо того, эта способность обладает свойством то появляться, то исчезать и не зависит от воли ее носителя. Эвзапия была по меньшей мере дважды уличена в грубом и глупом обмане, и в то же время она многожды выдерживала всевозможные тестирования и проверки в условиях самого жесткого контроля со стороны ученых комиссий, в состав которых входили лучшие имена Франции, Италии и Англии. Тем не менее, что касается меня, я предпочитаю напроць исключить из своего учета эксперименты, проведенные с хотя бы единожды скомпрометировавшим себя медиумом, и считаю, что все физические феномены, произведенные в темноте, необходимым образом много тем потеряли в собственной значимости, если они не сопровождались при этом какими-то побочными явлениями.

Наши критики обычно утверждают, что если исключить из всего объема полученных нами свидетельств те результаты, которые доставлены скомпрометированными медиумами, то никаких свидетельств уже, собственно, и не останется. Это, однако, совершенно не так. До только что упомянутого инцидента я никогда ранее не прибегал к услугам профессионального медиума, и все же у меня накопились определенные свидетельства. Самый величайший из

всех медиумов - Д.Д.Хоум - демонстрировал свои способности среди бела дня и всегда был готов подвергнуться любому контролю, но обвинение в трюкачестве на него ни разу не возводилось. Так же было и со многими другими. Было бы только полезным добавить, что титул публичного медиума является притягательной вывеской, настоящей приманкой для разного рода охотников за известностью, для любителей разоблачений и жадных до сенсаций журналистов; и когда такой искатель сомнительной популярности производит в темноте некие подозрительные операции и должен к тому же оправдываться перед жюри и судьями (каковые, как правило, также ничего не смыслят в условиях, влияющих на проявление феноменов), то было бы чудом, если бы такой самозванец выбрался из всего этого без соответствующего скандала. В то же время сама по себе система оплаты медиума по результатам, которой практически только и придерживаются устроители сеансов и предполагающая, что если медиум не произвел явлений, то он и не получит жалованья, есть система глубоко порочная. Лишь в том случае, если профессиональный медиум будет гарантирован в своих доходах, мы сможем устранить сильное для него искушение возместить собственным искусством то, в чем на данный миг ему может быть отказано его природой.

Итак, я обрисовал эволюцию своей собственной мысли вплоть до начала мировой войны. Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что развитие это не было слишком уж скороспешным и не носит на себе следов легковерия - два воистину глобальных обвинения, которые выдвигают против нас оппоненты. Оно, напротив того, оказалось слишком неспешным, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказать на меня влияние. Не разразись эта война, я, скорее всего, так и провел бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени свое симпатизирующее, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету - как если бы речь здесь шла о чем-то безличном и далеком, вроде существования Атлантиды. Но пришла Война и принесла в души наши серьезность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том,

что смерть уносит цвет нашей нации, заставляя молодежь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жен и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу стало ясно, что эта тема, с которой я так долго заигрывал, была не только изучением некоей силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она - нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в минуту самого глубокого ее потрясения. Внешняя, материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо, когда я понял, что он несет истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Его религиозная сторона явно имела бесконечно большее значение. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все феномены - и большие, и малые - являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сугубо материальную природу, кричат роду человеческому: "Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь." И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не в состоянии еще сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения. Мое мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, - сами по себе не имеют никакого значения и что действительная их ценность заключается лишь в том, что они поддерживают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, предметом коего станет не вера, но действительный опыт и истина. Именно к этой стороне вопроса я и

хотел бы сейчас обратиться, но я должен еще сделать некоторые дополнения к своим предыдущим заметкам, касающимся моего личного опыта. Дело в том, что с самого начала Войны, благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам, мне удалось найти подтверждение сформировавшемуся у меня мнению об истинности и достоверности общих фактов, лежащих в основании самих моих идей.

Эти благоприятные обстоятельства заключались в том, что у одной дамы, тесно с нами связанной, некой мисс Л.С., развилась способность автоматического писания. Из всех форм медиумичества данная представляется мне нуждающейся в самом жестком контроле более, чем какая-либо другая, ибо автоматическое письмо очень сильно подвержено не столько обману, сколько самообману, каковой есть вещь более тонкая и опасная. Вопрос в том, пишет ли леди сама, или же, как она утверждает, это делает за нее некая внешняя сила, подчиняющая ее себе, наподобие того, как это происходило с израильскими хронистами, писавшими "Библию" и также утверждавшими, что они находятся под водительством. В случае с Л.С. нельзя отрицать, что некоторые сообщения оказывались неверными; они были особенно ненадежны во всем, что касалось времени. Но, с другой стороны, множество их было признано правильными и выходило далеко за пределы таких объяснений, как отгадка или совпадение. Так, например, когда затонула "Лузитания" и утренние газеты писали, что, по поступившим сведениям, катастрофа не повлекла за собой человеческих жертв, медиум тут же написала: "Это ужасно, ужасно, и сильно повлияет на исход всей войны." И действительно, данная трагедия оказалась определяющей причиной американского вступления в мировой конфликт - сообщение, стало быть, было верным в обоих отношениях. В другой раз, она предсказала прибытие важной телеграммы, указав даже дату ее получения, а также имя отправителя, человека, от которого всего менее можно было ее ожидать. Во всех случаях никто не смог усомниться в подлинности ее инспирации, хотя ошибки и бывали весьма существенны. Это походило на то, как если бы пытаться услышать верную информацию по испорченному телефону.

В моей памяти запечатлелся еще и другой инцидент, относящийся к первым дням войны. В одном провинциальном городке умерла знакомая мне дама. Она

была хронической больной, и у ее изголовья нашли морфий. Состоялось расследование, в результате которого не было принято никакого решения. Восемью днями позже я участвовал в сеансе, проводимом г-ном Ваут-Питерсом. После серии неопределенных и бессвязных фраз он вдруг сказал: "Здесь есть одна дама, ее поддерживает пожилая женщина. Эта дама все время говорит о морфии. Она уже трижды сказала об этом. Ум у нее затемнен, и она делает это ненарочно. Морфий!" Приблизительно таковы были его слова. О телепатии не могло быть и речи, ибо в ту минуту у меня в голове были совершенно иные мысли, и я никак не ожидал такого послания.

Помимо личного опыта исследователей, дополнительный вес спиритическому движению придали превосходная литература, возникшая вокруг него за последние несколько лет. Если бы не существовало других книг о Спиритизме, кроме тех пяти, которые появились в течение полутора последних лет - я имею в виду "Рэймонда" профессора Оливера Лоджа, "Психические исследования" Артура Хилла, "Реальность психических феноменов" профессора Кроуфорда, "На пороге Незримого Мира" профессора Баррэта и "Ухо Дионисия" Джеральда Бальфура - то и этих пяти книг, на мой взгляд, хватило бы разумному человеку, чтобы убедиться в реальности этих фактов.¹¹

Прежде чем вдаваться в вопрос об этом новом религиозном Откровении и объяснять, как оно нас достигает и в чем заключается, я бы хотел сказать несколько слов по иному поводу. Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затруднят, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, что факты, на которые мы опираемся, недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я стоял на точке зрения сравнительно материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них следующее: Бог не давал нам способностей, которые бы мы при любых обстоятельствах должны были оставить неиспользованными. Сам по себе факт нашего обладания данными способностями доказывает то, что наш неотъемлемый долг - изучать и развивать их. Правда, здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если

потеряем чувство меры. Однако, я повторяю, что обладание этими способностями как таковое является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно.

Следует также напомнить, что этот вопль о "запретном знании", подкрепленный более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только за тем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблен и против Дарвина, которого бы несомненно сожгли, живи он несколькими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в "Библии" сказано: "В болезни будешь рождать детей." Воистину к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьезно.

Тем же, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочитать две коротких книги, каждая из которых написана служителями Церкви. Одна из них - "Идет ли Спиритизм от Дьявола" преподобного Филдинг-Оулда, стоимостью в два пенса. Другая - "Наше "Я" после смерти" - принадлежит перу преподобного Артура Чамберса. Могу также порекомендовать сочинения преподобного Чарльза Туидэйла, посвященные этой теме. Позволю себе, помимо того, добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архидиакона Уилберфорского.

Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культуре, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывают подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рескин заявил, что его убежденность в грядущей жизни пришла к нему от Спиритизма, хотя он и добавляет (а это совершенно нелогично и неблагодарно с его стороны), что, раз убедившись в ее реальности, он не

пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие - quorum pars parva sum¹³ - кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой налагает, только благодаря глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот - работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться.

1 "Лайт" - знаменитый английский журнал, специализировавшийся на публикации материалов, посвященных "психическим" и спиритическим исследованиям. Выходил в течение нескольких десятков лет. Среди прочих авторитетов этой области на его страницах часто публиковался и А.Конан-Дойль. "Лайт" (англ. light) значит "свет". (Й.Р.)

2 См. "Записки о Спиритизме", статья "Неожиданное подтверждение". (Й.Р.)

3 Приблизительно 21 м. (Й.Р.)

4 Намек на библейские мифы. (Й.Р.)

5 "Рэймонд" - название книги Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Рэймонд - имя сына ученого, который был военным инженером и погиб во время Первой Мировой войны. В книге содержится большой объем фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том, что основу ее составляют спиритические послания Рэймонда Лоджа своим родителям. (Й.Р.)

5.5 Согласно духам Кардека, марсиане являются наименее продвинутой из всех цивилизаций Солнечной системы. Другие медиумические источники сообщают о бурных катаклизмах на этой планете, в результате которых жизнь марсиан оказывалась под угрозой. Неизвестно, насколько следует доверять этим источникам, однако снимки сфинкса и 3 пирамид, недавно сделанные на Марсе, подтверждают то, что на красной планете живут или жили в недавнем прошлом человекоподобные существа. Любые попытки объяснения этих снимков игрой ветра, солнечными бликами и т.п. мало того, что совершенно неубедительны,

так еще и создают весьма опасный прецедент: бликами и игрой теней можно объяснить все что угодно на свете. Заметим далее, что слова Конан-Дойля об отсутствии физических мук судя по всему следует относить не к марсианам, т.е. к воплощенным на Марсе, а к духам развоплощенным. (webmaster)

6 По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его, и т.д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы, прописная употребляется только тогда, когда речь идет о Боге. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже "Сыном Божьим" в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек - точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: "Я емь сын Божий." Для спиритов Иисус Христос - не божество, но дух, стоящий на самой вершине Духовной Иерархии и представляющий для нас, Землян, самого Бога. (Й.Р.)

7 Louis Jaccoliot, "Le Spiritisme dans le Monde", Paris, A.Lacroix, 1875. (Й.Р.)

8 F.W.H.Meyers, "Human Personality and its Survival of Bodily Death". "Человеческая Личность и ее Сохранение после Смерти Тела". Помимо английского оригинала существует переработанный французский перевод, который во многих отношениях предпочтительней своего прототипа: Frederic Meyers, "La Personnalite humaine; sa survivance; ses manifestations supranormales". (Й.Р.)

9 Это фундаментальное исследование издано Фредериком Мейерсом, профессором из Кембриджа, в 1903 году. В том же году профессор Ф.Флурнуа из Женевского Университета, известный скептик в такого рода вопросах, о важности этого сочинения высказался в следующих выражениях: "Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу сверхъестественных психических феноменов, представляют собой, по численности своей и весомости, слишком серьезное и объемное досье для того, чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза, и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его все целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки." (Й.Р.)

10 См. приложение III, "Черитонское бомбоубежище". (Й.Р.)

11 Sir Oliver Lodge, "Raymond"; Arthur Hill, "Psychical Investigations"; Pr.Crawford, "Reality of Psychical Phenomena"; Pr.W.Barrett, "Threshold of the Unseen"; Gerald Balfour, "Ear of Dionysius". (Й.Р.)

12 Rev.Fielding Ould, "Is Spiritualism of the Devil?". Rev.Arthur Chambers, "Our Self After Death". (Й.Р.)

13 к числу коих принадлежу и я (лат.)

Глава Вторая ОТКРОВЕНИЕ

С известной долей облегчения я могу теперь обратиться к менее личной стороне этого великого предмета. Выше я сделал намек на то, что уже существует некое новое Учение. Откуда оно к нам пришло? Главным образом через послания из мира иного, написанные методом автоматического письма, когда рука человека (он называется "медиумом") находится под водительством либо духа, который предположительно является душой умершего человека (как в случае с мисс Джулией Эймс), либо, как то утверждается, высокого духовного учителя (что имеет место у г-на Стейнтон Моузеса). Эти письменные послания дополняются большим числом словесных высказываний духов, произнесенных устами медиума в состоянии транса. Иногда они приходят и посредством голосов, звучащих напрямую, как это имеет место во множестве случаев, подробно изложенных адмиралом Азборн-Муром в его книге "Голоса".¹ Время от времени оно приходит через сеансы "пляшущих столов", производимые в семейных кружках, как, например, в тех двух случаях, о которых я говорил выше, когда рассказывал о своих собственных экспериментах и исканиях. Порой, как в случае, описанном г-жой де Морган, чтобы заявить о себе, духовные силы пользуются и рукой ребенка.

После этого мы, разумеется, сразу же встречаемся со следующим возражением: как можем мы знать, что эти послания действительно идут к нам из мира загробного? Как можем мы знать, что пишет не сам медиум, что писанное им начертано без участия его сознания и, если даже это и так, что он (или она) не пишет этого под водительством собственного Высшего "Я"? Такая критика, на мой взгляд, совершенно справедлива, мы и сами должны неукоснительно пользоваться ею в каждом рассматриваемом случае, не то весь мир наводнится второсортными пророками, каждый из которых будет провозглашать свои собственные взгляды как откровение свыше, не имея каких иных доказательств своей правоты, кроме собственного утверждения, и мы тогда окажемся отброшенными назад, к темным векам слепой веры. Ответ на этот вопрос состоит в том, что мы требуем знаков, которые бы мы могли проверить прежде, чем принять уже те утверждения, истинность которых мы проверить никак не можем. В старые времена люди также требовали от пророка, чтобы он подал им подобный знак (именно этот знак называли "чудом"), и требование это было вполне разумным, и остается таковым и поныне. Точно так же, если ко мне приходит человек и приносит описание жизни в мире потустороннем, не представляя никаких доказательств его истинности, кроме собственных заверений, то я предпочту увидеть это описание скорее в мусорной корзине, а не у себя на письменном столе. Жизнь слишком коротка, чтобы расходовать ее на изучение достоинств подобных сочинений.

Но если, как то имеет место у Стейнтон Моузеса в его "Учении Духов", сведения, пришедшие, как это утверждается, из мира иного, сопровождаются еще и разного рода паранормальными способностями - а Стейнтон Моузел во всех отношениях был одним из величайших медиумов, когда-либо существовавших в Англии - тогда предложенный материал действительно представляется мне заслуживающим серьезного внимания. Опять же, если мисс Джулия Эймс может рассказать г-ну Стеду о таких событиях в пору ее жизни на земле, которые ему совершенно не могли быть известны, и если все это при проверке подтверждается как действительно некогда имевшее место, тогда у нас есть все основания думать, что и те вещи, которые мы проверить не можем, истинны как и первые. Или снова-таки, если Рэймонд может описать нам фотографию, ни один

из впечатлений которой не попадал в Англию и которая, как выяснилось позднее, оказалась точно соответствующей его описанию, или если устами совершенно постороннего человека он может поведать нам все подробности своей прошлой домашней жизни, которые будут критически проверены его родными перед тем, как они признают их правильными, то будет ли нелогичным предположить, что и в своем описании новых собственных впечатлений и условий жизни, в которых он теперь находится, он также будет вполне добросовестен и точен? Или когда г-н Артур Хилл получает послания от людей, о которых он никогда прежде не слышал, и затем при проверке выясняет, что они верны в малейших подробностях, не правда ли, справедливо сделать вывод, что они говорят нам правду и тогда, когда рассказывают о теперешнем своем положении?2

Подобных случаев множество, и я упомянул здесь только некоторые из них, но моя точка зрения на эти вещи состоит в том, что все феномены (от явлений низшего порядка вроде "движущихся столов" и вплоть до самых высоких, каковым будет вдохновенная речь пророка) являются звеньями одной цепи, одной системы, каждое звено в которой связано с последующим; и что если нижний конец этой цепи был вложен в руку человечеству, то только за тем, чтобы упорным трудом и рассуждением мы смогли найти свой путь, в конце которого нас ожидает Откровение.

Не презирайте скромных начал, которыми явились "пляшущие столы" или "летающие бубны", каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котел с кипящей в нем водой дал человечеству паровую машину, а подергивание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекая к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем все сделанное доныне.

Люди, ко мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэръ Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны

от религии. Это не подлежит сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на нее наше поведение здесь. Если в этом заключается различие с религией, то я должен признаться, что не очень-то разумею, в чем, собственно, оно состоит. Для меня это и есть религия - самая ее суть. Но это вовсе не значит, что из данной сути со временем необходимо выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы такого исхода. Не правда ли, мы уже и так достаточно разъединены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочел увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к одному знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим Учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству.

Тогда встает вопрос: "Каким же образом спиритическое Учение заменит собою устоявшиеся старые религии и различные философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?". На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьезны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип

материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий.

Что касается до иных вер, то следует предположить, что принятие Учения, принесенного нам из мира иного, должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранил серьезные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определенным факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы назвали "ангелами", а также существование надстоящей нам Иерархии, устремленной вверх и в которой дух Христа занимает свое особое место; оно покажет, что Иерархия эта кульминирует на высотах Беспредельности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках никак не разрушает все прежние верования, и действительно серьезными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола.

Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство.

Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспособляются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, - как в городе, так и в деревне - не отвернулись от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия

налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня.

Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге, который может быть умиловивлен такими средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как "отпущение грехов", "очищение кровью агнца" и тому подобное. Пока еще мог стоять вопрос о "падении человека", подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не "падал", когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад вглубь незапамятных времен, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество все время именно поднималось, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов падения. Но если не было "падения", что остается тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстает сейчас, то все равно она совершенно расходится с фактами.

Опять же, слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость - умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в настоящее время во Франции. Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении "Евангелия", приобрела, повидимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен - умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа, и слишком мало - его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая

не была бы прекрасной, жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности, обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремленная всегда вперед и вверх, открытая новым идеям и все же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узости ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекательна его способность постичь дух религии, отмечая в сторону тексты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии.

Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но все же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что смысл их сводится к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других духов, их превосходящих и иерархически соотнесенных, - назовите их "ангелами", если вы желаете говорить языком старой религии. Надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам, - не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недосягаем для них, - но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращенности, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, - для того, чтоб преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в свое небесное обиталище, оставив нам Учение, которому иные из нас следуют и поныне. Такова история Христа в том виде, в каком нам рассказывают ее духи. В ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении, но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную.

Если такой взгляд на христианство станет общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда мы получим такую религию, которая будет способна объединить все Церкви, религию, которая примирится с наукой, которая сможет

противостоять любым нападкам и утвердит Христианскую Веру на неопределенно долгие времена. Наконец-то станет возможным прекращение войны Разума и Веры, наконец-то из наших мыслей будет изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установится духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо отдельной стране или насильственной революцией. Скорее, это придет как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным.³ Тогда именно, когда душа человеческая мучима и разрываемая страданием, в нее могут быть заронены семена добра и правды, поэтому духовный урожай определенно сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни.

Когда я читаю "Новый Завет", обладая тем знанием, какое дает мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской Церковью и не дошло до нас. Все эти намеки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духовные дары, - одним словом, "сотворение чудес", то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: "Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры". Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или, другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, говорит: "Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня." Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова "добродетель" тот употребил бы слова "сила" или "энергия"? И когда мы читаем: "Не всякому духу верьте, но испытайте духов, дабы знать, идут ли они

от Господа", то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям? Вопрос этот представляется мне слишком обширным, для того чтобы задерживаться здесь на нем подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточенным нападкам со стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желали бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу д-ра Абрахама Уоллеса "Иисус из Назарета",⁴ если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привел. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую группу, когда умершего призвали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одаренными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова "построим три молельни", которые можно понять также как "построим три кабины", или "три кабинета" - все это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всем этом усматривается последовательное сходство приемов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые Св.Павел дает нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических феноменов), ясновидения и многое другое ("Послание к Коринфянам", I, XII, ст. 8,11). Первоначальная христианская Церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты "Ветхого Завета",

который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства.⁵

1 Usborne Moore, "The Voices". Речь идет о так называемом феномене "прямого голоса", когда в воздушной среде звучит голос духа, или умершего, наделенный всеми акустическими, артикуляционными и т.п. особенностями, отличавшими его при жизни на земле. Если на сеансе присутствуют люди, хорошо знавшие этого человека прежде, у них не возникает каких-либо сомнений касательно тождественности, а стало быть, и реальности звучащего голоса, который в этом случае может быть воспринят звукозаписывающей аппаратурой. Разговор между духом и присутствующими ведется в таком случае как обычная беседа между людьми. Для проявления "прямых голосов" необходим медиум, обладающий способностью к производству именно этого спиритического феномена. Помимо указанной Конан-Дойлем книги, смотрите также книгу Г.Д.Брэдли "К звездам" и Г.ди Бони "Прямые голоса" (H.D.Bradley, "Towards the Stars"; Gastone di Boni, "Voci Dirette"). (Й.Р.)

2 "Если Я сказал вам о земном, и вы не верите: как поверите, если буду говорить вам о небесном?" (Иоанн, III,12). (Примеч.Й.Р.)

3 Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, "Рай и Ад, или Божественная Справедливость в объяснении Спиритизма". (Й.Р.)

4 Dr.Abraham Wallace, "Jesus of Nazareth". (Й.Р.)

5 Надо сказать, что, действительно, "чудеса" Христа находятся все в пределах, в коих действуют силы, управляемые психическим законом в том его виде, понимание которого нам дается теперь Спиритизмом, и что даже в самых мельчайших своих подробностях чудеса эти соответствуют природе этого закона. Согласно философии карденистского Спиритизма, "чудес" в Природе не существует и не могло бы существовать, есть только законы, нами не познанные, и действия, на их основе совершаемые знающим, воспринимаются профанами как чудо. По мнению спиритов, величие Божеское заключается отнюдь не в том, что с помощью каких-то чудес Бог постоянно вмешивается в нормальный ход вещей и произвольно его поворачивает в ту или иную сторону, но в том, что Он изначально создал такие законы, которые направляют развитие

Вселенной в нужное русло без всякого последующего и могущественного вмешательства извне. Создание таких законов и является самым величайшим из Божьих чудес.

Христианская Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически-обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же "Евангелии", созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на все это или хотя бы какого намека на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чем они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть Церковь более иудейская, нежели христианская? (Й.Р.)

Глава Третья ГРЯДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, оставив пока в стороне большую и довольно спорную тему о том, какие изменения эти новые откровения должны произвести в христианской религии, давайте попытаемся проследить, что же, собственно, происходит с человеком после смерти. Все свидетельства, коими мы располагаем по этому поводу, вполне недвусмысленны и согласуются одно с другим. Во множестве посланий, полученных от умерших во многих странах и в самые разные времена, имеются фрагменты, касающиеся дел этого мира, которые могут и могли быть нами проверены. Когда к нам приходят сообщения именно такого рода, будет,

кажется мне, только справедливым предположить, что, если то, что мы можем проверить, оказывается правильным, тогда и то, что мы проверить никак не можем, равным образом должно соответствовать истине. Когда же, помимо того, мы находим большую степень сходства между посланиями, поступившими из разных и независимых друг от друга источников, и когда их согласованность в малейших подробностях никоим образом не соответствует существующим у нас философским и иным взглядам, тогда, полагаю я, вероятность того, что мы имеем дело с истиной, весьма велика. Ведь нелепо подумать, будто полторы-две дюжины сообщений, полученных мною из различных источников и в целом согласных между собой, оказались бы однако все ложными; было бы также глупо предположить, будто духи говорили правду, когда речь шла о нашем мире, и лгали, говоря нам о своем.

Недавно, в одну и ту же неделю, я получил два сообщения, описывающих нашу жизнь в потустороннем мире; одно из них получено через посредство близкого родственника некоего высокого духовного лица, тогда как другое было прислано мне женой простого шотландского машиниста. Эти двое не могли ничего знать друг о друге, и тем не менее оба отчета до такой степени похожи, что представляют, по сути дела, один.

В том, что касается нашей собственной судьбы после смерти или же судьбы наших друзей, сообщения представляются мне в высшей степени утешительными. Отшедшие, все в один голос, указывают, что переход обычно легок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознает его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая часть тех случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Из 250 случаев, тщательно рассмотренных г-ном Гернеем,¹ 134 таких появления произошли именно в мгновение смерти, когда новое духовное тело еще настолько было близко к

материи, что глаза сочувствующего человека могли его воспринять, что однако уже не так легко случается впоследствии.

Все же, сравнительно с общим числом смертей, подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен своими собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается общаться с теми, кого видит, но его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинут нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив все это в стороне, давайте проследуем за судьбой отшедшего духа.

Теперь он уже сознает, что в комнате, рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть еще и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнает знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определенное утверждение, и данный рассказ повторяется всеми отшедшими, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Все это уже сильно разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно представить, что самые пустые и глупые люди, потрясенные столь необычайным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся; но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой

нрав этих людей утвердится и в новых условиях - и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами спиритических сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Рэймонд сообщает, что у него такой период длился шесть дней. Подобное имело место и в случае, с которым у меня произошло некоторое личное знакомство. С другой стороны, г-н Мейерс говорит, что у него период бессознательности длился очень долго. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряженности в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорожденное дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы рая и ада. Понятие об аде, я должен сказать, вообще отпадает, как уже давным-давно оно выпало из мыслей всякого разумного человека. Эта одиозная концепция выражает собой такой взгляд на Создателя, который по сути дела есть не что иное, как богохульство. Подобные представления возникли из-за буквального понимания восточной фразеологии, доведенного до преувеличения, и могли иметь какую-то полезность только в грубую первобытную эпоху, когда люди боялись огня, как сегодня дикие звери боятся путешественников. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определено и очень серьезно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и обладают там тем знанием, которое им определили их земные деяния, но для них также есть надежда на то,

что искупление, а также помощь помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что однородное и сходное притягиваются; что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе; что жизнь полна интереса и деятельности; и что духи ни за что не желают возвращаться назад на землю. Все это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю: это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, которые поддерживаются всеми законами логики и здравого смысла, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные показания, то показания эти имеют право считаться истиной. Если бы в отчете речь шла о душах, в лучах славы мгновенно очищающихся ото всех человеческих слабостей и в непрестанном экстазе обожания роящихся вокруг трона Всемогущего, то такой отчет можно было бы еще заподозрить в том, что это - просто отражение распространенных теологических взглядов, равно усвоенных всеми медиумами в молодости. Однако, сообщения, приходящие к нам оттуда, весьма отличаются от всех взглядов, принятых здесь. Они, помимо того, (как я уже отмечал) подкрепляются не только сходством содержащихся в них сведений, но и тем фактом, что сообщения эти - последнее звено в длинной цепи явлений, которые все были признаны истинными людьми, тщательно их изучившими.

Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Все было бы хорошо, если бы всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить -

значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: "Я верю в то", другой: "Я верю в это". Но ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии доказать ее, и однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в "истинную" веру. Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счел вполне логичным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, "истинную", веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы доказать не можем, то мы тем были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их, и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твердую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира - этот и иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать ее с такой же исчерпывающей точностью как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его смерти и что у ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто его видели позднее. Число случаев, когда духи, умершие давно и вступившие с нами в контакт, дали убедительные доказательства тождественности своей личности, сравнительно невелико. Один такой очень интересный случай засвидетельствовал г-н Доусон Роджер: дух, назвавшийся Мэнтоном, заявил, что

он родился в Лоренс-Лидьярде и похоронен в Стоук-Ньюингтоне в 1677 году. После этого было установлено, что такой человек действительно существовал и что он был капелланом при Оливере Кромвеле. Насколько позволяет судить мое знакомство с такого рода литературой, это самый старый дух из всех, возвращение которого было отмечено: те, кто возвращаются, как я уже сказал, умерли сравнительно недавно. Таким образом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. До какой степени поразному духи могут взирать на вещи в зависимости от степени их развития в ином мире, показано мисс Джулией Эймс. Будучи встречена на пороге иного мира такими же новоприбывшими, как и она, мисс Эймс поначалу возымела намеренье создать там бюро сообщений с живущими в мире материальном, но по прошествии пятнадцати лет ей пришлось признать, что на миллион духов не приходится ни одного, который пожелал бы общаться с живыми после того, как все, кого он любил, присоединились к нему там. Она, таким образом, просто оказалась сбита с толку тем обстоятельством, что все, с кем она, попав туда, встречалась, были такие же новички, как и она.

Хотя отчет, даваемый нами, и может оказаться неполным, все же и в таком виде он весьма последователен, логически выдержан и чрезвычайно интересен, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кто дороги нам. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего духи переходят в какие-то другие стадии существования, но между теми стадиями, повидимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию. Тамошняя жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в ее лучшем виде. В том мире жизнь по сути преимущественно духовная, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожеления, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях.² А тело наше там представляет собой точную копию нашего земного тела, но в его наилучшем

виде, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в поре наибольшего расцвета сил. Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, все сходное стремится к единородному с ним, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока еще грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит сама мысль. Близость отношений между стремящимися друг к другу душами доказывается, например, тем, что Мейерс, Герней и Роден Ноэл - друзья и сотрудники при жизни - после смерти втроем общались с одним и тем же медиумом, госпожой Холленд, которая прежде совершенно не была с ними знакома, и все же любое из их сообщений к ней, с точки зрения тех, кто знал их раньше, было выражено в манере, присущей каждому из них при жизни. Эта близость отношений подтверждается также и случаем профессоров Верролла и Батчера, двух знатоков греческой культуры, которые совместно разрабатывали то, что они именуют "греческой проблемой"; г-н Джеральд Бальфур, анализируя их труд в своей книге "Ухо Дионисия", заключает со всем авторитетом, коим он пользуется, что подобный результат мог быть достигнут только ими, Верроллом и Батчером, и никем больше. Мимоходом надобно отметить, что все эти примеры ясно показывают, что духи либо имеют в распоряжении своем необъятные библиотеки и какие-то архивы, либо способности их развиты до такой степени, что сообщают им дар всеведения.³ Ни один человек не в состоянии привести на память такого множества точных цитат как духи, сообщения которых передаются в "Ухе Дионисия" г-ном Бальфуром.

Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своем выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверху, восходящих к Божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утонченность определяют все. В то же время, все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие

молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле - и ни в каком ином, - т.е. как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах.

Есть еще и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя все же и поддается анализу, коль скоро мы за него возьмемся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределенности очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и еще по некоторым другим, данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придется понять, насколько им еще необходимо развивать свой ум: ведь если у них не окажется времени применить свои знания в этом мире, те останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире

существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия - та, что не только создает материю, но и изготавливает из нее предметы - является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видели их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, как они это делают, возможно, остается предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели! Мы можем поставить себя в положение, например, молодого инженера, как Рэймонд Лодж, который пытается дать теоретическое объяснение происходящему в том мире; его теория однако опровергается другим духом, также старающимся понять явления и законы того мира. Он может быть прав, а может и ошибаться, но он делает все от него зависящее, чтобы сказать, что он думает, и мы на его месте поступили бы так же. Он считает, что эти трансцендентальные химики в состоянии воспроизвести что угодно, любое вещество, и даже столь бездуховные субстанции, как спирт и табак, в которых могут почувствовать острую нужду духи низшего порядка. Эта мысль до такой степени развеселила критиков, что, читая их комментарии, можно подумать, будто это единственное утверждение, содержащееся в книге из четырехсот страниц убористо напечатанного текста. Рэймонд, повторяю, может быть прав, а может и ошибаться, но вся эта история говорит мне только о нестигаемой честности и смелости издателя, знавшего, какое оружие он тем дает в руки своим врагам.

У многих вызывает протест подобное описание мира иного, поскольку в таком представлении он выглядит, для их понятий, слишком материальным. Он, видите ли, совершенно не таков, каким бы они желали его видеть. Что ж, ведь и в этом мире слишком многое не похоже на то, чего б нам хотелось, однако же

все это существует. И когда мы внимательно рассматриваем это обвинение в материализме и стараемся построить какое-то подобие системы, которая бы могла устроить наших идеалистов, то задача эта оказывается весьма непростой. Должны ли мы для этого быть всего лишь некими эфирными формами, плавающими по воздуху? Ожидается, видимо, только это. Но если бы у духов не было тела, подобного нашему, и если бы при переходе туда мы теряли свою индивидуальность, то говорите тогда что угодно, но это означало бы, что мы перестаем существовать. Что матери за радость, если ей явится некое светозарное и безличное существо, купающееся в лучах славы? Она скажет: "Нет, это не мой сын. Я хочу видеть его золотые локоны, его улыбку, его столь милые мне жесты." Вот чего она хочет, и именно это, я уверен, она и получит; но это не будет заслугой какой-то системы взглядов, отделяющей нас от всего, что оставалось в нас материального, и возносящей в некую смутную область парящих ощущений.

Есть, помимо того, и иная школа критики, которая возражает нам тем, что в грядущей жизни, описанной таким образом, ощущения оказываются слишком ясны, страсти чересчур сильны, а окружающая прочная обстановка вся при этом получается построенной из материала слишком прозрачного и разреженного. Но давайте не будем забывать, что все зависит от соотношения со своим окружением.

Если бы мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нем будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай - с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти "духи", как мы их называем,

обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там все находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грез, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

1 Эдмунд Герней - основатель О.П.И., крупнейший авторитет своего времени в области гипноза, один из авторов альманаха "Иллюзии жизни" (1886г.), опубликованного через два года после его смерти. (Й.Р.)

2 На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего земного, то их одеянье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. (Й.Р.)

3 Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, не известных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после перехода их туда. (Й.Р.)

Скорее всего умерший дух не получает доступ к абсолютно новым знаниям, а вспоминает забытое им, либо же знания, приобретенные им в последнем воплощении являются ему во всей своей полноте, которую он никак не мог осознать под покровом материи. И тем не менее, слово "всеведение" не следует в данном случае воспринимать буквально, оно слишком категорично, поскольку не вызывает никакого сомнения то, что оно присуще во всей полноте Богу и вряд ли - духу, только завершившему свое далеко не последнее существование.

(webmaster)

Глава Четвертая ПРОБЛЕМЫ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Оставим теперь в стороне широкое поле доказательств, касающихся самого факта существования этого Откровения и его природы, поскольку есть также более мелкие детали, которые заслуживают нашего внимания и невольно всплывают по мере рассмотрения затронутой нами темы. Область, которую населяют души умерших, повидимому, находится совсем близко от нас, настолько близко, что мы, как они нам говорят, постоянно посещаем их во время нашего сна. Значительная доля той спокойной покорности и смирения, которые мы все наблюдаем у людей, потерявших своих любимых, людей, которые, как нам казалось, от такой утраты должны были лишиться рассудка, объясняется тем, что они виделись с дорогими им покойниками, и хотя забвение кажется полным и люди эти не могут ничего припомнить из своих духовных приключений, пережитых во время сна, успокоительное действие такого общения все-таки выносится в явь подсознательным "я". Забвение, как я сказал, полное, но все же иногда оно на какие-то доли секунды почему-то приподнимает свой покров, и в такие минуты спящий пробуждается ото сна, "осененный ореолом Божественного сияния". Это мгновенное самосознание дает объяснение пророческим снам, большая часть которых сбывается.

Недавно нечто подобное произошло и со мной, хотя, быть может, случай этот еще и нельзя считать полностью подтвердившимся, а только примечательным. Утром 4 апреля прошлого, т.е. 1917 года я проснулся с таким чувством, будто во время сна мне было передано какое-то важное сообщение, из которого мне запомнилось только одно слово, звучавшее у меня в голове по пробуждении: "Пьяве". При всем желании мне не удалось припомнить, чтобы я слышал его когда-то прежде. Поскольку оно звучало как географическое название, я оделся и тотчас пошел в кабинет посмотреть в указатель названий в своем атласе. Слово "Пьяве" там действительно значилось, и я обнаружил, что это название реки в Италии, где-то в сорока милях от тогдашней линии фронта на позициях союзников, продолжавших победоносное наступление. В то

время я всего менее мог себе представить, что линия фронта еще до такой степени переместится назад, равно как и подумать, будто какое-то важное военное событие произойдет у этой реки. Тем не менее я был под таким впечатлением от происшедшего со мною, что записал утверждение, будто здесь должно будет произойти какое-то важное событие, и, желая придать своим записям значимость документа, попросил подписаться под ними своего секретаря, а моя жена засвидетельствовала все это, поставив дату 4 апреля. Теперь уже является историческим фактом, что шестью месяцами позже вся итальянская линия фронта отодвинулась назад и, переходя от позиции к позиции, союзники наконец остановились на берегах этого водного потока, хотя данный рубеж, по оценкам военных специалистов, по стратегическим соображениям был почти непригоден для обороны. К моменту, когда я пишу эти строки - 20 февраля 1918 года - ссылка на название "Пьяве" целиком подтвердила свою правильность, и я полагаю, что кто-то из друзей, живущих в мире ином, предупредил меня о грядущем событии. Однако я надеюсь еще, что здесь имелось в виду событие и более важное, чем простое прекращение отступления, и что некая окончательная победа союзников, если она произойдет на этом рубеже, означает собою реальность того необычного способа, каким это географическое название попало в мою голову.¹

Против такой теории снов могут, конечно, с жаром возразить, что все нелепые, уродливые и непристойные сны, которые одолевают нас, никак не могут исходить из высокого источника. По этому поводу я имею вполне определенную теорию, которая, может быть, даже заслуживает обсуждения. Я полагаю, что существует лишь два рода сновидений, и не более: сны, которые являются отражением ощущений освобожденного духа, и те, которые объясняются беспорядочным действием низших особенностей нашей природы, сохраняющихся в теле во время отсутствия духа; первые редки и прекрасны, но память их до нас не доносит; последние же обычны и многообразны, а зачастую фантастичны и грубы. Если учесть, что именно отсутствует в наших обычных снах, то можно сказать, каковы недостающие качества, и по ним судить, какая наша часть составляет в нас дух. Так, в этих снах совершенно отсутствует чувство юмора, поскольку вещи, которые нас там удручали, по пробуждении поражают своей

смехотворностью. Чувство соответствия, способность суждения и высокие устремления напрочь отсутствуют. Короче говоря, ощутимо недостает всего возвышенного, а все низменное, например, чувство страха, чувственные впечатления, инстинкт самосохранения, проявляет себя с тем большей силой, что ничто высокое его более не контролирует.

Определение границ, до коих простираются возможности духов - это вопрос, сам собою встающий в данной работе. Часто спрашивают: "Если духи существуют, то почему они не делают того-то и сего-то?". На это следует, не ставя под сомнение сам факт их существования, ответить тем, что они просто этого не могут. Судя по всему, возможности их ограничены, так же как и наши с вами. Это представляется всего более ясным, когда сеансы проводятся в форме перекрестной переписки, иными словами, когда несколько пишущих медиумов работают на расстоянии, совершенно независимо друг от друга, а задачей сеанса является получение такой степени идентичности результатов, каковая не может быть объяснена простым совпадением. Духи, повидимому, точно знают то, что они вводят в умы живущих, но им неизвестно, в какой мере эти последние усваивают их наставления. Их контакт с нами прерывист, подвержен перебоям. Так, проводя с нами эксперименты в перекрестной переписке, они постоянно нас спрашивали: "Вы получили это?" или "Все правильно?". Иногда им частично известно о том, что получилось. Так, Мейерс сказал нам: "Я вижу круг, но не был уверен насчет треугольника." Вполне очевидно, что духи, даже те из них, которые, подобно Мейерсу и Ходсону, непосредственно занимались при жизни психическими исследованиями и знали все феномены, получающиеся в таких случаях, оказывались в затруднении, когда желали ознакомиться с какой-то материальной вещью, письменным документом, например. Приходится думать, что они могут добиться этого лишь путем частичной материализации самих себя и что у них не всегда есть энергия, для такой самоматериализации необходимая. Это соображение частично объясняет тот знаменитый случай, говорить о котором так любят наши оппоненты, а именно, когда Мейерс не смог прочитать несколько слов, или фразы, находящейся в опечатанной коробке. Вероятно, он просто не мог увидеть документа из положения, которое занимал, и если бы не память, то он бы так и не справился с этой задачей.

Многие ошибки, думается мне, могут быть объяснены таким именно образом. Духи, со своей стороны, утверждают, и это утверждение представляется мне совершенно разумным, что когда они говорят о вещах, принадлежащих к их миру, они говорят нам о том, что им известно и что они могут и готовы обсуждать с уверенностью и полнотой; но когда мы настаиваем (а мы иногда должны настаивать) на своих земных способах контроля, то это тянет их назад, к иному и низшему порядку вещей, и ставит их в такое положение, которое куда более затруднительно и сопряжено с заблуждением.

Другой пункт, который может быть использован против нас, состоит в том, что духам исключительно трудно донести до нас имена, и это-то делает многие из их сообщений столь туманными и неопределенными. Они все время говорят вокруг да около и никак не могут сказать слово, которое бы сразу решило вопрос. Пример тому приводится в недавнем сообщении, опубликованном в "Лайте". Там описывается, как молодой офицер, умерший недавно, сумел путем "прямого голоса" передать своему отцу послание при посредстве медиумства г-жи Сьюзанны Харрис. При этом он никак не мог назвать своего имени. Ему удалось, однако, дать понять, что отец его был членом Килдэйр-стрит Клуба в Дублине. Поиски позволили найти отца, и тогда выяснилось, что тот, со своей стороны, уже получил в Дублине совершенно самостоятельное послание, в котором сообщалось, что им интересуются в Лондоне и по какой причине. Я не знаю, является ли земное имя такой уж призрачной вещью, никак не связанной с самой личностью, и не отбрасывается ли оно в сторону сразу же, как только мы попадаем туда. Конечно же, это может быть. Но возможно и то, что наше общение с миром потусторонним регулирует некий неведомый нам закон, согласно которому сношения не должны быть слишком непосредственными, с тем чтобы наш ум также не остался без дела.

Мысль о том, что существует некий закон, делающий косвенную речь более легкой, нежели прямую, отчетливо выступает из результатов перекрестной переписки, где иносказания постоянно занимают место названий. Так, по поводу переписки Св.Павла, речь о чем идет в одной из брошюр О.П.И., констатируется, что мысль Св.Павла поступала сначала одному медиуму, пишущему автоматически, а уже от него передавалась двум другим, каждый из

которых находился на значительном удалении от другого (в данном случае один из них был в Индии). Духом, который взялся руководить этим экспериментом, был д-р Ходсон. Вы, быть может, подумаете, что появления в других рукописных посланиях слов "Св.Павел" было бы вполне достаточно. Но нет, дух действовал по-иному: он сделал все виды косвенных намеков, порассуждал в каждом письме вокруг да около, не называя имени апостола, и изрек пять цитат из писаний Св.Павла. Это лежит за вероятием какого-либо совпадения и действует вполне убедительно, и все же этот случай является иллюстрацией того, каким чудным путем духи кружат возле предмета, вместо того чтобы пойти прямо к нему. Словно какой-то мудрый ангел, находящийся по ту сторону от нас, советует им: "Не очень-то им все объясняйте, этим людям. Пусть немного поработают головой. Если вы будете все делать за них, то они, принимая лишь готовое, станут просто автоматами." Прими мы это к сведению - и все объясняется. Но каково бы ни было объяснение, факт этот заслуживает внимания.

Касательно общения с духами, стоит упомянуть и еще одно обстоятельство. Они, видимо, испытывают неуверенность во всем, что касается фактора времени. Как только речь заходит об определении момента наступления того или иного события, они почти неизбежно ошибаются. Земные представления о времени, вероятно, сильно отличаются от временных понятий в мире духов - отсюда и происходит путаница. Я уже говорил, что нам сильно повезло в том отношении, что среди нас постоянно находилась дама, развившая в себе способность пишущего медиума. Она постоянно была в тесном общении с тремя братьями, погибшими в войну. Эта дама, передавая сообщения своих братьев, почти никогда не ошибалась по части самих фактов, но почти никогда и не оказывалась права относительно времени их совершения. Было, однако, одно примечательное исключение, наводящее на размышления. Хотя ее пророчества касательно общественных событий исполнялись обыкновенно с опозданием на недели, а то и месяцы, однажды она все же предсказала прибытие телеграммы из Африки с точностью до дня. Телеграмма была уже отправлена, но задержалась в пути; это, по видимости, доказывает, что наша леди могла предсказывать ход совершающихся событий и рассчитывать время, которое им потребуется, чтобы достичь своего завершения.² С другой стороны, я должен согласиться, что она

конфиденциально предсказала нам побег своего четвертого брата из немецкого плена, и это соответственным образом осуществилось. В целом, я воздержусь от каких-либо суждений относительно возможностей и неточностей прорицательства.

Но за пределами этих неточностей и ограничений мы, к сожалению, имеем дело с ложью, которую с полнейшим хладнокровием порождают умы лукавые и злонамеренные. Каждый, кто занимался исследованиями в этой области, думается мне, встретился не раз с образчиками предумышленного обмана, которые время от времени попадают среди хороших и правдивых спиритических сообщений. Несомненно, именно о таких посланиях писал апостол, когда он говорит: "Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, (дабы знать), идут ли они от Бога."³ Слова эти могут означать только то, что раньше христиане не только занимались Спиритизмом, как его понимаем мы, но и сталкивались с теми же трудностями. Вряд ли что может вызвать большее недоумение, чем факт получения послания, в котором содержится пространное и связное описание со всеми возможными подробностями и которое при проверке окажется, тем не менее, полнейшим вымыслом. Однако мы всегда должны знать и помнить, что, даже если один из этих проверенных случаев окажется совершенно правильным, то он имеет больше веса, чем множество других наших неудач, - наподобие того, как получение хотя бы одной телеграммы, содержащей сведения, подтвердившиеся потом как достоверные, является для вас свидетельством существования телеграфного способа общения и получения информации, какие бы помехи и недоразумения ни произошли в почтовом ведомстве впоследствии. Но следует признать, что все это очень неприятно и делает нас недоверчивыми в отношении любого рода посланий, пока не оказывается возможным удостовериться их истинность. В родстве с этими дурными влияниями состоят всевозможные "Мильтоны" и "Шелли", неспособные считать слоги в стихах и рифмовать слова, все эти "Шекспиры", не умеющие думать, и все прочие глупые претензии на великое имя, выставяющие в смешном виде наше дело. Все это, думается мне, намеренные подлоги и обман со стороны обитателей либо этого мира, либо мира иного, но ставить из-за всего этого под сомнение реальность мира спиритического так же неразумно, как и утверждать, будто под вопросом оказывается самый факт существования нашего физического мира потому только,

что в нем порой встречаются весьма неприятные субъекты.

Совершенно точно я могу сказать одно: с той поры, как я интересуюсь этим предметом, среди всех этих ложных сообщений мне ни разу не встретилось послания богохульственного, грубого или непристойного. Такие инциденты, должно быть, исключительно редки. Я также полагаю, что голословные утверждения касательно безумия, одержимости медиумов и т.п. являются чистейшим вымыслом. Статистические данные по приютам душевнобольных противоречат таким утверждениям, а средняя продолжительность жизни у медиумов ничуть не короче, чем у всех остальных людей. Мне думается, однако, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали свое дело, и тот, кто тратит время на то, что бегаёт от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем, для того чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально.

И вот вывод, к которому я пришел в итоге своих многолетних исканий истины: несмотря на нередкие случаи обмана, о которых сторонники истинного Спиритизма весьма сожалеют, и несмотря на разгул нездоровой фантазии, каковую они никак не поощряют, в этом движении все же есть внушительная и здоровая суть, бесконечно более близкая к положительному доказательству, нежели какое-либо иное известное мне религиозное течение. Как я показал, эта система взглядов - скорее возрождение того, что было, чем открытие чего-то нового, но в наш материалистический век результат того и другого оказывается практически один и тот же. Определенно, миновали те дни, когда зрелое и взвешенное мнение таких людей, как Крукс, Уоллес, Фламарион, Рише, Лодж, Баррэт, Ломброзо, генералы Дрейсон и Тэрнер, сержант Бэллентайн, У.Т.Стед, судья Эдмондс, адмирал Азборн-Мур, покойный архидьякон Уилберфорский и целое море, лавина других свидетельств могут быть отброшены в сторону

пустыми фразами вроде "Это все вздор!" или "Полнейшая галиматья!". Как удачно сказал г-н Артур Хилл, мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицают существование этих явлений.⁴ Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть.⁵ Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения.⁶

Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос - в настоящее время это происходит с сэром Оливером Лоджем, - и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, нисколько не считаясь с тем, что еще и прежде так много самостоятельных тружеников дало им свое подтверждение. Это нечестная манера критики, ибо в каждом деле согласование независимых свидетельств - самый лучший способ убеждения. Однако, у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медиума на стул-весы таким образом, чтобы ноги ее не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с происходящими психическими феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твердо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства.

Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумленно глядящих на радиоаппарат и нисколько не интересующихся содержанием

передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмемся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают, или примут, очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала. Доказательства, на которых покоится данная система, столь бесчисленны, что потребовалась бы весьма значительная библиотека, дабы вместить их все; свидетельства же, на которые система эта опирается, идут к нам не от каких-то безвестных и мифических персонажей, живших в неопределенно-далеком прошлом и не подлежащих никакому контролю с нашей стороны, но от самих наших современников, людей, ум и характер которых уважаемы всеми.

Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась невероятная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин, во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из Божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, происшедшие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвело католицизма, тогда как данное откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идейная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в тот миг, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной.

Я хотел бы добавить несколько практических советов тем, кто знают об истинности мною сказанного. Мы находимся здесь перед лицом крупнейшего и

нового духовного движения, величайшего во всей истории человечества. Как мы им воспользуемся? Полагаю, что для нас дело чести заявить о своей вере, в особенности же это касается тех, кто страдают. Исповедуя свою веру, мы не должны ее навязывать, но должны положиться во всем на мудрость более высокую, нежели наша. Мы не желаем разрушать ни одной религии. Мы хотим только вернуть в лоно ее тех, кто помышляют о материальном, из душного и узкого ущелья мы хотим поднять их на горную вершину, где они смогут вдыхать более свежий воздух и видеть оттуда другие ущелья, другие долины и выси гор. Существующие сегодня религии по большей части выродились и пребывают в упадке, они задавлены догмами и удушены тайнами. Мы можем доказать, что во всем этом нет нужды. Все, что есть важного, одновременно весьма просто и вполне определено.

Самая драгоценная помощь приходит к нам от тех, кто понесли утрату и жаждут восстановления связи с отшедшими. Но и здесь важно не переусердствовать. Находишь ваш сын скажем, в Австралии, вы не стали бы требовать от него, чтоб он постоянно откладывал свои дела ради того, чтобы писать вам длинные, обстоятельные письма. Вступив в контакт, будьте умеренны в своих просьбах. Вместе с тем не довольствуйтесь первым приведенным доказательством, удостоверяющим вам личность собеседника. Но действительно получив доказательства, вы, думаю мне, вполне можете пережить тот короткий отрезок времени, который вам осталось прожить здесь вплоть до полного вашего воссоединения. Сейчас я общаюсь с тринадцатью матерями, которые переписываются с погибшими на войне сыновьями; и во всех этих случаях отцы, хотя сами они и не участвуют в переписке, также убеждены в реальности происходящего. Насколько мне известно, только в одном из всех этих случаев родители были знакомы со Спиритизмом до войны.

Многие из этих примеров имеют свои неповторимые особенности. В двух из них умершие дети сфотографировались рядом с матерями. В одном случае первое послание пришло к матери через постороннего человека, которому был дан ее точный адрес. После этого общение велось напрямую. В другом случае метод пересылки посланий состоял в том, что давались указания соответствующих страниц и строк в книгах домашней библиотеки - все вместе выстраивалось в

письмо. Процедура была построена таким образом, чтобы исключить всякое опасение в телепатии. Воистину не осталось такого пути, которым могла быть доказана истина и которым бы она уже не была доказана.

Как вам следует действовать? Вот в чем трудность. Есть доверчивые люди и есть фальсификации. Надо быть осторожным. Что касается медиумов-профессионалов, то для вас не составит труда получить рекомендации. Но даже и с лучшими из них манифестации могут быть неопределенными и разочарования не окажутся редкостью. И все же некоторые добиваются результатов сразу. Мы не можем сформулировать законы, управляющие этими манифестациями, поскольку они действуют как с нашей, так и с той стороны. Почти каждая женщина является медиумом, не упражнявшим пока что своей способности. Пусть она попробует свои силы в автоматическом писании. Опять же и здесь, все, что делается, должно производиться со всеми предосторожностями во избежание самообмана. Настрой духа при этих занятиях должен быть благоговейно-молитвенный. И если только вы серьезны, то как-нибудь прорветесь, ибо, вероятно, кто-то предпринимает аналогичные усилия и оттуда.

Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это, якобы, препятствует продвижению отшедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придает сил. Не так много, на мой взгляд, существует трогательных в своем простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Рэймонд описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть родным и встречающих постоянной помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. "Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и все же множество людей думает именно так. Мне еще более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно."

Старайтесь читать книги о Спиритизме. К ним так мало обращаются не только те, кто живут в плену у материального мира, но и сами наши сторонники. Проникнитесь величественной Спиритической Истиной! Свыкнитесь с

неоспоримой очевидностью и примите ее. Отойдите от материальной стороны этих явлений и постигните возвышенное Учение, за ними стоящее, по таким прекрасным книгам, как "После Смерти" Леона Дени или "Учение Духов" Стейнтон Моузеса.⁷ Такими книгами, невеликой стоимости, но высокой ценности, можно заполнить целую библиотеку.⁸ Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма - вот движущая сила нравственного прогресса. Осознайте не как вопрос отвлеченной веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет.

Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов пришел ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, все же в нем еще просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невозможно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника. Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших духах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об Иерархии духовных сил, со ступени на ступень все выше возносящей нас пред ликом Божьим, то все эти идеи и концепции появляются еще раз и в Новом Откровении и подтверждены в нем множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантизм теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей - единственно это исказило истину.

Я бы не мог завершить эту маленькую свою книжку лучше, как приведя слова куда более выразительные, чем все то, что я в состоянии написать, ибо они - прекрасный образец английского стиля, равно как и английской прозы. Слова эти принадлежат перу известного нашего поэта и тонкого мыслителя, г-ну Джеральду Массею, и написаны им много лет назад:

"Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием Неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего больше походит на морское плавание, совершаемое при задранных люках в темном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот, как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звездной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадами огней во славу Творца."

1 Продолжение смотрите в "Записках о Спиритизме", январь 1919, "Пророчество". (Й.Р.)

2 Небольшое уточнение: не "леди могла", но духи, посредником (переводчиком) которых она являлась. (Й.Р.)

3 Послание Св.Иоанна Богослова, I, гл.IV, ст.1. (Й.Р.)

4 NB. (Й.Р.)

5 NB! (Й.Р.)

6 NB!!! (Й.Р.)

7 Leon Denis, "Apres la Mort"; Rev. Stainton Moses, "Spirit Teachings". (Й.Р.)

8 Такого рода библиотека-магазин, имеющая целью распространение спиритических знаний, была создана Конан-Дойлем и открыта им в 1925 году на Виктория-стрит в Лондоне. (Й.Р.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. СЛЕДУЮЩАЯ ФАЗА ЖИЗНИ

В этой книге я говорил о том, сколь поразительно согласуются друг с другом рассказы о загробной жизни: несмотря на то, что все они исходят из совершенно разных и независимых один от другого источников, согласование это касается самых мельчайших подробностей. Разнообразие при этом возникает от способности видеть более полно, которая позволяет заметить и описать и то, что не попадает непосредственно в поле зрения. Как бы то ни было, но все рассказы о той счастливой стране, попасть в которую однажды обычному смертному дозвоительно стремиться, довольно точны и последовательны. После того, как я написал это свое исследование, мне стали известны три новых и независимых друг от друга свидетельства, которые опять являются подтверждением сказанного. Одно из этих свидетельств приводится королевским адвокатом в недавней его книге "И был мне Голос",¹ ознакомиться с которой я советую всем исследователям, хотя автор и проявляет в ней ярко выраженный католический уклон. Но это только показывает, насколько нам трудно выйти из привычного круга понятий. Вторым свидетельством является небольшая книжка "Будущий Свет",² в которой приводятся очень интересные подробности, касающиеся потустороннего мира; книга эта составлена участниками одного дублинского спиритического кружка, столь же серьезного, сколь и уважаемого. И, наконец, третье свидетельство, и, как мне думается, наиболее поучительное и назидательное, содержится в частном письме, присланном мне г-ном Губертом Уэйлзом.

Г-н Уэйлз - исследователь осторожный, добросовестный и довольно скептический. Путем автоматического писания он собственноручно получил очень интересные сообщения, но, вникнув в них, с недоверием отбросил. Прочитав, однако, мой отчет об условиях посмертного существования, он отыскал свои старые записки, которым поначалу придал столь мало значения. Он сообщает:

"Прочитав Вашу статью, я был потрясен, почти испуган тем, что

сообщения, когда-то полученные мною самим касательно условий посмертного существования, совпадали - мне кажется, вплоть до мельчайших подробностей - с теми, которые Вы приводите в Вашем обзоре, составленном из большого количества материалов, собранных на основе разных источников. Не думаю, что в прочитанной мною ранее литературе можно найти объяснение такого совпадения. Я, определенно, не читал ничего ранее написанного Вами по этому поводу. Я намеренно избегал "Рэймонда" и всех иных книг этого рода, с тем чтобы они не повлияли на мои собственные результаты. Читаемые же мною в ту пору "Протоколы О.П.И.", как Вам известно, никак не касаются условий существования после смерти. Так или иначе, в разное время мною были получены (как Вы сейчас увидите) сообщения, которые утверждают, что в этом новом периоде существования люди обладают телами, которые, хотя и невосприимлемы нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественны, как для нас наши. Тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У него нет возраста; оно не ощущает боли. Среди них нет ни богатых, ни бедных. Они носят одежду и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют "сном", состояние это - оно мне знакомо - приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования.³ Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует ее полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они неспособны испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создает различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово "работа" как таковое, но было

много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас "работа" обычно означает "средство к существованию", а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности каким-то таинственным образом "предугадываются". Они говорят, что все, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определенных сведений о каком-либо "временном наказании", но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и им наслаждаться."

2. АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Эта форма медиумизма дает наилучшие результаты, но по самой своей природе она более всего подвергает человека опасности самообмана. Вопрос в том, не пользуемся ли мы своей рукой сами, или ею действительно движет некая внешняя по отношению к нам сила? Сказать это мы можем, лишь оценивая полученную информацию, и даже тогда нельзя полностью списать со счета влияние наших подсознательных знаний. В этой связи стоит, как мне кажется, привести один из тех случаев медиумического писания, который говорит сам за себя, убедительно показывая исследователю, сколь неоспорима очевидность того, что эти послания исходят не от человека, рукою которого они написаны. Такого рода случай приводится г-ном Артуром Хиллом в его книге "Человек есть Дух".⁴ Он был сообщен ему капитаном Джеймсом Бертоном. Насколько я понял, благодаря сообщениям, полученным именно этим медиумом (любителем), удалось установить точное местоположение подземных руин в Глэнстонбери.

"Это случилось где-то через неделю после похорон отца", - рассказывает он. - "Я писал деловое письмо, как вдруг почувствовал, что некая посторонняя сила поместилась между моей рукой и движущими центрами мозга, и тогда рука

начала писать без моего вмешательства. Получилось удивительное письмо, подписанное автографом моего отца, обстоятельство, имевшее, видимо, целью подтвердить, что письмо действительно исходит от него. Я был потрясен. При этом мой правый бок и рука словно бы затекли и онемели. Уже год спустя такие письма стали явлением нередким, но всегда приходили ко мне в тот самый миг, когда я их всего менее ожидал. Я никогда не знал, о чем идет в них речь, поскольку прочитать их можно было, лишь прибегнув к помощи лупы: настолько микроскопическим почерком они были написаны. В письмах этих сообщалось множество обстоятельств, которые никак не могли быть мне известны.

Так, например, я не мог знать, что у матери, которая жила вдали от меня, пропала любимая собака, подаренная ей прежде отцом. В ту же ночь я получил от него письмо, где он соболезновал матери и говорил, что собака была теперь с ним. "Все, что мы любим и что было необходимо для нашего счастья на земле, находится с нами и здесь." Мне был таким способом открыт один из самых священных семейных секретов, известный только матери и отцу и касающийся события, происшедшего за много лет до моего рождения. Секрет этот был открыт мне с такой рекомендацией: "Скажи это матери, и она узнает, что пишу тебе я, твой отец." До сей поры мать не могла поверить моим рассказам, но, когда я сказал ей это, она побледнела и лишилась чувств. С той поры письма эти стали ее наибольшим утешением, ибо отец и мать любили друг друга в течение всей сорокалетней супружеской жизни, и его смерть разбила ей сердце.

Что касается меня, то я вполне убежден в том, что личность моего отца продолжает существовать, как если бы он все еще находился за закрытой дверью в своем кабинете. Он ничуть не более мертв, как был бы "мертв" для нас, живя в Америке.

Я сравнил стиль и выражения, встречающиеся в этих письмах, с манерой, в которой свойственно писать мне - я приобрел некоторую известность, сотрудничая в журналах - и не нашел между ними ни малейшего сходства."

Данный случай представляет и другие доказательства своей несомненности, и я отсылаю читателя к самой книге.

3. ЧЕРИТОНСКОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Выше я упомянул о своем недавнем опыте, касающемся "полтергейста", или проявления духа-проказника. Существа этого рода, по видимости, принадлежат к категории наименее развитых и более близки к земным условиям, чем все иные существа духовного мира, нам известные. Эта сравнительная материальность ставит их на самую нижнюю ступень духовной иерархии и поэтому делает, быть может, нежелательным установление с ними каких-либо отношений. Тем не менее их проявления обладают известной ценностью, потому что грубая очевидность феноменов привлекает к себе внимание людей, заставляя нас признать, что во Вселенной наличествуют иные формы жизни, помимо нашей. Эти силы, находящиеся на границе нашего материального мира, повсеместно и во все времена привлекали к себе внимание людей, которое, правда, не могло задержаться на них подолгу. Именно к этому роду феноменов принадлежат преследование семьи Уэсли в Эпуорте, истории с барабанщиком из Тэдуорта, биллингскими колоколами и тому подобные вещи, бывшие причиной всеобщего испуга в течение некоторого времени, - каждый из этих случаев демонстрирует агрессивность неведомых сил в отношении живых людей. Затем, почти одновременно, произошли события в Гайдсвилле, в Америке, и аналогичные явления в Сидвилле, во Франции, - они оказались столь разительны, что не смогли остаться незамеченными. Из них выросло все современное спиритическое движение, которое путем умозаключений от малого к большому, от явлений грубых к более тонким, развило свои выводы и довело их до совершенства, пройдя путь от физических проявлений до письменных посланий, и ныне призвано придать религии самое прочное основание из всех, на которых она когда-либо стояла. Таким образом, сколь бы нелепыми и странными ни казались нам эти явления, именно они явились зародышем, из которого развилось и выросло все движение современного спиритуализма, и потому заслуживают нашего уважительного, хотя и критического внимания.

В различных районах земного шара за последние годы произошли многие из подобных проявлений, и пресса не упустила возможности представить каждый из этих случаев в как нельзя более комическом виде, полагая, повидимому, будто

использование слова "привидение" подрывает всякое доверие к событию и кладет конец спорам. Примечательно здесь то, что каждый такой случай рассматривается обособленно, как какое-то совершенно единичное событие, и так у обычного читателя не возникает никакого понятия о доказательной силе, которую обладает накопление множества однородных фактов. Касательно же Черитонского бомбоубежища факты состоят в следующем.

М-р Джейкис, мировой судья, человек образованный и интеллигентный, проживающий в Эмбрук-Хаузе, Черитон, вблизи Фолкстоуна, построил бомбоубежище рядом со своим домом на случай воздушных налетов противника. Надо сказать, что дом этот очень старый, часть его возведена на фундаменте старинной культовой постройки XIV века. Бомбоубежище он решил вырыть в основании небольшой скалы, почва там - обычный мягкий песчаник. Работу выполнял местный каменщик по фамилии Рольф со своим помощником. С самого начала он столкнулся с такой помехой: неведомо каким образом бросаемые горсти песка гасили свечу, а некоторые из них летели ему прямо в лицо. Он, было, подумал, что виной тому какое-то истечение газов или некое явление, связанное с электричеством. Однако это происходило настолько часто, что серьезно тормозило работу, на что Рольф и пожаловался г-ну Джейкису. Но тот отнесся к его рассказу с полнейшим недоверием. Преследование рабочих однако продолжалось, причем сила проявлений все возрастала, пока они не приняли форму воздушных потоков, способных переносить предметы значительных размеров - камни и обломки кирпича. Они пролетали мимо Рольфа и ударялись о стены со значительной силой. Все еще продолжая искать физические объяснения, Рольф обратился к м-ру Хескету, фолкстоунскому муниципальному электрику, человеку высокой образованности и ума. Г-н Хескет прибыл на место событий и увидел достаточно, чтобы убедиться: указанные явления действительно имеют место и их нельзя объяснить обычными законами. Канадский солдат, квартировавший у г-на Рольфа, узнав о случившемся с его хозяином, высказал мнение, что у последнего "просто крыша поехала". Не долго думая, он отправился в бомбоубежище, где предмет спора проявил себя с такою стремительностью и силой, что солдат в ужасе выскочил оттуда наружу. Свидетельницей перемещения кирпичей, к которым никто не прикасался, была также экономка дома. Эти факты

начали постепенно ослаблять скепсис г-на Джейкиса, и он спустился в бомбоубежище, когда там никого не было. Он уже вышел оттуда, когда пять камней, брошенных изнутри, ударились о дверь. Джейкис приоткрыл ее и увидел их на полу возле двери. Сэр Вильям Баррэт также потом спускался вниз, но за время своего недолгого пребывания ничего там не обнаружил. Затем я побывал там четыре раза, проведя в гроте по два часа, но ничего непосредственно не наблюдал, хотя и удостоверился, что на свежей кирпичной кладке есть следы ударов. Силы, проявившиеся в данном случае, пренебрегли теми, кто серьезно занимается психическими исследованиями, ибо они никак не проявили себя в их присутствии. Тем не менее присутствие этих сил и их действие отметили по меньшей мере семь различных свидетелей. Как я сказал, эти силы оставляли после себя следы своего действия, и дело дошло до того, что они извлекли из пола свежезацементированные керамические плитки и сложили их маленькими аккуратными кучками. Предположение, что всему виной озорство помощника каменщика, приходится исключить по той причине, что явления производились и в его отсутствие. Место событий посетил также один физик, но, поскольку его объяснения сводились к тому, что "движение предметов обусловлено эманацией болотных газов", то это не намного подвинуло дело. Аномалии до сих пор продолжают, и сегодня утром (21 февраля 1918) я получил обстоятельное письмо со свежими подробностями от инженера Хескета.

Каково действительное объяснение этого явления? Могу сказать только одно: я посоветовал г-ну Джейкису провести раскопки в почве рядом со скалой, под которой он строит подвал. Я осмотрел поверхность земли в этом месте и пришел к выводу, что почва здесь была когда-то вскопана на глубину по меньшей мере пяти футов. Что-то, насколько я могу судить, было там некоторое время назад зарыто, и вероятно, как и в случае, приведенном мною выше, есть определенная связь между этим фактом и аномалиями. Очень может быть, что г-н Рольф, сам того не ведая, является медиумом для производства физических проявлений, и поэтому, когда он оказывался запертым в ограниченном, замкнутом пространстве подвала, то его магнетические силы аккумуляровались там, как в кабинете, и оказывались готовыми к действию. Так случилось, что там же оказалась некая действующая сила, которая решила ими воспользоваться,

- отсюда и феномены. Когда г-н Джейкис спустился в грот в одиночку, то сила, оставшаяся там после г-на Рольфа, проведенного в нем целое утро, еще не иссякла, благодаря чему Джейкису и удалось стать свидетелем некоторых ее проявлений. Таково мое объяснение, но по поводу подобных вещей лучше не быть догматичным. Если будут систематические раскопки, то я стал бы ждать эпилога этой истории.

Когда книга эта уже печаталась, мне стал известен второй весьма характерный случай полтергейста. Я не могу открыть его подробности, ибо не уполномочен делать этого, но феномены производятся вплоть до настоящего времени. Довольно любопытно, что случай этот стал известен мне потому, что одно из страдающих от этих посягательств лиц прочитало мои заметки о черитонском бомбоубежище, - дама немедленно написала мне, прося совета и помощи. Место действия довольно удалено от меня, съездить я туда еще не успел; но, если судить по исчерпывающему отчету, полученному мною, этот случай включает в себя все типические черты и сопровождается, помимо прочего, таким феноменом, как автоматическое письмо. Некоторые образчики этих сообщений лежат передо мной. Двое священников безуспешно пытались положить конец проявлениям, которые порой оказываются слишком грубыми. Я думаю, что некоторым утешением людям, страдающим от подобных преследований, может послужить то обстоятельство, что среди множества тщательно изученных случаев полтергейста нет ни одного, когда был бы причинен какой-то физический вред человеку или животному.⁵ 1918г.

1 A King's Counsel, "I Heard a Voice" (Kegan Paul edit.) (Й.Р.)

2 "The Light of the Future". (Й.Р.)

3 Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и ее отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации - один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов, в странах протестантских, идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства французского спиритизма (или карденизма) над

англо-американским спиритуализмом. (Й.Р.) См. об этом Леон Дени, "Спиритизм - религия будущего", гл. CXLIII. (webmaster)

4 Arthur Hill, "Man is a Spirit" (Cassell&Co.) (Й.Р.)

5 Возвращаясь к этому последнему случаю, должен сказать, что по прошествии некоторого времени, после того как были написаны данные строки, случаем этим занялся третий пастор, обладающий некоторыми познаниями в области оккультных наук. Рассуждениями и молитвами он добился того, что злые духи наконец оставили свои жертвы в покое. Сколько-то времени духи будут держать свое слово? (А.К.Д.)